

ZAMONAVIY ILM-FAN VA INNOVATSION TADQIQOTLARDA NATIJALAR MUHOKAMASI

7/2025

I-RESPUBLIKA ILMIY-AMALIY KONFERENSIYA
YAKUNLARI BO'YICHA ILMIY ISHLAR TO'PLAMI

MUNDARIJA – СОДЕРЖАНИЯ – CONTENT	
1. Kunishev Otabek RAQAMLI TRANSFORMATSIYA SHAROITIDA BANK XIZMATLARINI MA’MURIY- HUQUQIY TARTIBGA SOLISHDAGI XAVFSIZLIKNI TA’MINLASH VA UNI TAKOMILLASHTIRISH.....	1
2. Ахадова Мадинабону РОЛЬ АРБИТРАЖА И МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА УЗБЕКИСТАНА.....	13
3. Xudaibergenova Dilnoza RAQAMLI AXBOROT TEXNOLOGIYALARI DAVRIDA MULKKA BO’LGAN HUQUQIY YONDASHUVLARNING YANGILANISHI.....	23
4. Каршиева Сохибжамол ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	33
5. Yorkinova Sangina COMPARATIVE LEGAL FRAMEWORKS FOR THE COMPENSATION OF NON-MATERIAL HARM FROM CYBERATTACKS.....	42
6. Mirkomilova Madinabonu LEGAL ASPECTS AND PRACTICAL MECHANISMS FOR COMPENSATING HARM IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES.....	47
7. Ergashova Shahrizoda MUALLIFLIK HUQUQI VA SUN’IY INTELLEKT: O’ZBEKISTON HUQUQIY TIZIMI UCHUN YANGI CHAQIRIQLAR.....	63
8. Amonova Zebiniso THE ROLE OF THE WORLD HEALTH ORGANIZATION (WHO) IN HEALTH PROTECTION DURING THE PANDEMIC.....	71
9. Otabayev Usmonbek KOMPYUTER DASTURLARIGA BO’LGAN INTELLEKTUAL MULK HUQUQI HIMOYASINI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI.....	81
10. Komilov Sobit 1991–2022 YILLARDA SHAHRISABZDA MAHALLA DARAJASIDA KICHIK BIZNES VA TADBIRKORLIKNI QO’LLAB-QUVVATLASH CHORALARI.....	90
11. Komilov Asadbek OMMAVIY AXBOROT VOSITALARINING JAVOBGARLIK MASALALARI.....	99

**RAQAMLI TRANSFORMATSIYA SHAROITIDA BANK
XIZMATLARINI MA'MURIY-HUQUQIY TARTIBGA SOLISHDAGI
XAVFSIZLIKNI TA'MINLASH VA UNI TAKOMILLASHTIRISH**

Kunishev Otabek Ruzibayevich

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

Annotatsiya: ushbu maqolada raqamli transformatsiya sharoitida bank xizmatlarini ma'muriy-huquqiy tartibga solish mexanizmlarining xavfsizlik masalalari ko'rib chiqiladi. Tadqiqotda O'zbekiston Respublikasining tegishli qonunchiligi hamda xalqaro huquqiy normalar tahlil qilinadi. Mavzuni tahlil qilish jarayonida raqamli transformatsiya sharoitida bank xizmatlarini ma'muriy-huquqiy tartibga solish mexanizmlarining xavfsizlik muammolari aniqlanib, ularni bartaraf etish bo'yicha huquqiy takliflar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: raqamli transformatsiya, bank xizmatlari, ma'muriy-huquqiy tartibga solish, fintech, kiberxavfsizlik, shaxsiy ma'lumotlar himoyasi, Open Banking, tartibga solish qumdoni, sun'iy intellekt.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Кунишев Отабек Рузибаевич

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы безопасности административно-правовых механизмов регулирования банковских услуг в условиях цифровой трансформации. В исследовании анализируется соответствующее законодательство Республики Узбекистан, а также международные правовые нормы. В процессе анализа темы выявляются проблемы безопасности административно-правовых

механизмов регулирования банковских услуг в условиях цифровой трансформации и выдвигаются правовые предложения по их устранению.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, банковские услуги, административно-правовое регулирование, финтех, кибербезопасность, защита персональных данных, Open Banking, регулятивная песочница, искусственный интеллект.*

**ENSURING AND IMPROVING SECURITY IN THE
ADMINISTRATIVE-LEGAL REGULATION OF BANKING SERVICES
UNDER DIGITAL TRANSFORMATION**

Kunishev Otabek Ruzibayevich

Master's student of Tashkent State Law University

Abstract: *this article examines the security issues of administrative-legal mechanisms for regulating banking services in the context of digital transformation. The study analyzes the relevant legislation of the Republic of Uzbekistan, as well as international legal norms. In the process of analyzing the topic, security problems of administrative-legal mechanisms for regulating banking services in the context of digital transformation are identified, and legal proposals for their elimination are put forward.*

Keywords: *digital transformation, banking services, administrative-legal regulation, fintech, cybersecurity, personal data protection, Open Banking, regulatory sandbox, artificial intelligence.*

KIRISH

Raqamli texnologiyalar taraqqiyoti global moliya tizimiga sezilarli ta'sir ko'rsatib, an'anaviy bank xizmatlarini yangicha bosqichga olib chiqmoqda. Banklar faoliyatida sun'iy intellekt, bulutli texnologiyalar, blokcheyn, biometrik

identifikatsiya va ochiq dasturiy interfeys (API) kabi ilg'or yechimlarning qo'llanilishi moliyaviy xizmatlarning tezligi, qulayligi va ko'lamini kengaytirmoqda. Shu bilan birga, bu tendensiya bank sohasini ma'muriy-huquqiy jihatdan tartibga solishda xavfsizlik, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish va raqamli ishonchlilik masalalarini kun tartibiga olib chiqmoqda.

So'nggi yillarda dunyo bo'ylab bank tizimining raqamli transformatsiyasi bilan bog'liq xavfsizlik muammolari ham jiddiy tus olmoqda. Jumladan, kiberxavfsizlik tahdidlari, ma'lumotlarning ruxsatsiz tarqalishi, algoritmik diskriminatsiya va foydalanuvchi shaxsiy hayoti daxlsizligining buzilishi hollari ortib bormoqda. Moliyaviy axborotlar eng muhim va sezgir ma'lumotlar toifasiga kirgani bois, bank xizmatlarining raqamli shaklda ko'rsatilishida ularni qonuniy himoya qilish, monitoring qilish va tartibga solish tizimini mukammallashtirish dolzarb ehtiyojga aylangan.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti tomonidan ilgari surilgan raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish konsepsiyasi doirasida bank tizimi raqamli transformatsiyaning ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida e'tirof etilgan. Shu sababli, so'nggi yillarda tijorat banklari tomonidan raqamli mahsulotlar joriy etilmoqda, elektron to'lovlar soni keskin ortmoqda, masofaviy bank xizmatlarining turlari kengaymoqda. Biroq mavjud huquqiy baza bu o'zgarishlarga doimiy tarzda moslasha olmayapti, bu esa bank xizmatlarini xavfsiz va izchil rivojlantirishda huquqiy bo'shliqlarni keltirib chiqarmoqda.

Xususan, "Banklar va bank faoliyati to'g'risida"gi Qonun, "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonun, "Axborot xavfsizligi to'g'risida"gi Qonun kabi asosiy normativ-huquqiy hujjatlar hali zamonaviy texnologiyalar va bank

tizimidagi innovatsion amaliyotlarga to'liq moslashtirilmagan. Bank xizmatlarining xavfsizligini ta'minlash, kiberxavflarning oldini olish va ma'lumotlar muhofazasini kuchaytirishga qaratilgan kompleks ma'muriy-huquqiy mexanizmlar zarurati ortib bormoqda.

Mazkur tadqiqot aynan mana shu muammolarga e'tibor qaratgan holda, raqamli transformatsiya jarayonida bank xizmatlarini ma'muriy-huquqiy jihatdan tartibga solishdagi mavjud xavfsizlik muammolarini aniqlash, xalqaro tajribani tahlil qilish hamda O'zbekiston qonunchiligini takomillashtirish bo'yicha amaliy va normativ tavsiyalar ishlab chiqishga yo'naltirilgan.

Ushbu tadqiqotda quyidagi metodlar qo'llanildi:

Normativ-huquqiy tahlil: O'zbekiston Respublikasining bank sohasi va axborot xavfsizligiga oid qonunchilik bazasi, xususan, "Banklar va bank faoliyati to'g'risida"gi Qonun, "Markaziy bank to'g'risida"gi Qonun, "Axborotlashtirish to'g'risida"gi Qonun va boshqa me'yoriy hujjatlar tahlil qilindi.

Taqqoslash usuli: O'zbekiston qonunchiligi xorijiy davlatlar tajribasi bilan taqqoslab o'rganildi. Xususan, Yevropa Ittifoqining Umumiy ma'lumotlarni himoya qilish reglamenti (GDPR) asosida shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilishdagi yondashuvlar tahlil qilindi. Shuningdek, AQShning Kaliforniya iste'molchilarning shaxsiy ma'lumotlarini himoya qilish to'g'risidagi Qonuni (CCPA), Singapurning "Personal Data Protection Act" (PDPA), Birlashgan Qirollikdagi Open Banking qonunchiligi, Avstraliyaning fintech va regtech sohasiga oid huquqiy modellar bilan O'zbekiston tajribasi solishtirildi.

Ilmiy tahlil: Ilmiy maqolalar, monografiyalar, xalqaro konferensiyalar materiallari va amaliyotdagi tajribalar tahlil qilindi.

Solishtirma usul: Turli davlatlarning raqamli bank xizmatlari va fintech infratuzilmasini tartibga solishdagi tajribalari o'rganildi.

Tadqiqot davomida yig'ilgan ma'lumotlar asosida muammolar aniqlanib, ularni bartaraf etish bo'yicha takliflar ishlab chiqildi.

TADQIQOT NATIJALARI

O'zbekiston Respublikasida bank xizmatlarini raqamli transformatsiya sharoitida xavfsiz va samarali tartibga solish bo'yicha asosiy normativ-huquqiy baza mavjud bo'lishiga qaramay, amaliyotda bu tizimda jiddiy muammolar va huquqiy bo'shliqlar mavjudligi aniqlandi. Tadqiqot natijalari quyidagi asosiy yo'nalishlarda huquqiy tahlil asosida shakllantirildi:

1. Shaxsiy ma'lumotlar himoyasi tizimi bank sohasida yetarli darajada ishlamayapti, buni "Shaxsga doir ma'lumotlar to'g'risida"gi Qonun (2019) moliyaviy xizmatlar ko'rsatuvchi banklar va boshqa tashkilotlar tomonidan mijozlar shaxsiy ma'lumotlarini yig'ish, saqlash, qayta ishlash va uzatish tartibini umumiy belgilab bergan. Biroq amaliyotda quyidagi muammolar mavjud:

- Banklar tomonidan yig'ilayotgan ma'lumotlarning ko'lami keng, lekin bu ma'lumotlar ustidan foydalanuvchi nazorati cheklangan.

- Xorijiy moliyaviy texnologiyalar asosida ishlovchi xizmatlar O'zbekiston fuqarolarining ma'lumotlarini qanday va qayerda saqlashi bo'yicha aniq tartib mavjud emas.

- Shaxsiy ma'lumotlar uchun "data localization" talabining to'liq va izchil tartibda joriy etilmaganligi ma'lumotlar suverenitetiga putur yetkazmoqda.

2. Ma'lumotlarni noqonuniy yig'ish va qayta ishlash hollari saqlanib qolmoqda. Bank xizmatlarining raqamli ko'rinishda taklif qilinishi,

foydalanuvchilar bilan masofaviy aloqalar o'rnatilishi shaxsiy ma'lumotlar bilan ishlashda quyidagi muammolarni keltirib chiqarmoqda:

Foydalanuvchidan rozilik olmasdan ma'lumot yig'ish hollari;

Foydalanuvchi ma'lumotlarining uchinchi tomonlarga tijoriy maqsadlarda uzatilishi;

Maxfiylik siyosatlarining noaniqligi va murakkabligi tufayli mijozlar o'z huquqlaridan bexabar qolmoqda.

Amaldagi qonunchilikda ma'lumotlarni noqonuniy qayta ishlaganlik uchun javobgarlik nazarda tutilgan bo'lsa-da, huquqni muhofaza qiluvchi idoralar tomonidan bu qoidalar amalda yetarli darajada tatbiq etilmayapti.

3. O'zbekiston qonunchiligining xalqaro standartlar bilan nomuvofiqligi mavjud. Yevropa Ittifoqining Umumiy ma'lumotlarni himoya qilish reglamenti (GDPR) shaxsiy ma'lumotlar bilan ishlashda ilg'or standartlar majmuasini taqdim etadi. Tadqiqot davomida O'zbekiston qonunchiligi bilan GDPR o'rtasidagi quyidagi farqlar aniqlandi:

O'zbekistonda ma'lumotni qayta ishlashning yagona asosiy sharti — foydalanuvchi roziligi bo'lsa, GDPRda bir nechta asoslar (huquqiy manfaat, shartnoma, jamoat manfaatlari) mavjud.

GDPR buzilgan taqdirda yuqori miqdordagi jarimalar qo'llanilsa, O'zbekistonda bunday sanksiyalar ancha yengil va ayrim holatlarda mutlaqo noaniq.

Mijozning ma'lumotlarini o'chirish ("right to be forgotten") yoki boshqa xizmat ko'rsatuvchiga ko'chirish ("data portability") huquqlari O'zbekiston qonunchiligida aniq ifoda etilmagan.

4. Bank xizmatlarida kiberxavfsizlik muammolari davom etmoqda

Raqamli moliyaviy xizmatlar rivojlanishi bilan kiberxavfsizlik masalasi ham dolzarb tus olmoqda. Jumladan:

Elektron bank xizmatlari platformalarida xavfsizlik protokollari turlicha darajada joriy qilingan;

Mijozlarga axborot xavfsizligiga oid yetarli darajada tushuntirish berilmaydi;

Kichik bank va fintech subyektlari ma'lumotlarni shifrlash, identifikatsiya va autentifikatsiya tizimlarini to'liq joriy etmagan.

TAKLIF ETILAYOTGAN HUQUQIY CHORALAR

Tadqiqot natijalariga ko'ra, raqamli transformatsiya sharoitida bank xizmatlarini ma'muriy-huquqiy tartibga solish mijozga yo'naltirilgan yondashuv, innovatsion texnologiyalar va xalqaro standartlar asosida amalga oshirilishi zarur ekanligini inobatga olgan holda raqamli transformatsiya sharoitida bank xizmatlarini ma'muriy-huquqiy tartibga solish mexanizmlarini yanada takomillashtirish **bo'yicha takliflarni quyidagi yo'nalishlar kesimida ifodalaymiz:**

I. Mavjud bankka oid qonunchilik raqamli texnologiyalar – raqamli bank, sun'iy intellekt, blokcheyn, kriptovalyutalar, biometrik identifikatsiya kabi yangi tushunchalarni umuman o'z ichiga olmaydi. Bu esa amaliyotda huquqiy bo'shliq yaratilib, innovatsion xizmatlarning rivojlanishiga to'sqinlik qilmoqda. Masalan, bugungi kunda O'zbekistonda 50 dan ortiq fintech startup faoliyat yuritmoqda, lekin ularning aksariyati aniq huquqiy maqomga ega emas va

kulrang zonada ishlashga majbur. Shu bois, “Banklar va bank faoliyati to‘g‘risida”gi qonunga raqamli banklar, fintech kompaniyalar va innovatsion moliyaviy xizmatlar bo‘yicha alohida boblar kiritish taklif etildi.

II. Zamonaviy banking tizimida shaxsiy ma’lumotlarni himoya qilish sohasidagi huquqiy kamchiliklar jiddiy muammo hisoblanadi. Moliyaviy institutlar, shu jumladan banklar mijozlar haqida keng ko‘lamli ma’lumotlar to‘plamoqda, ammo ushbu ma’lumotlardan foydalanish tartibi va xavfsizlik mexanizmlari yetarli darajada huquqiy jihatdan tartibga solinmagan. Yevropa Ittifoqining GDPR tajribasi ma’lumotlar xavfsizligining nafaqat texnik, balki fundamental inson huquqlari masalasi ekanligini ko‘rsatdi. Shu sababli moliyaviy ma’lumotlarni maxsus toifadagi sezgir ma’lumotlar sifatida tan olish va ularga nisbatan kuchaytirilgan himoya choralari, qat’iyroq xavfsizlik talablari hamda javobgarlik mexanizmlarini joriy etish huquqiy zarurat hisoblanadi.

III. Zamonaviy moliya-bank tizimda kiberxavfsizlik masalasi kritik ahamiyat kasb etmoqda, buni 2023-yilda O‘zbekistonda kiberhujumlar soni 40 foizga oshgan va bu tendentsiya davom etmoqda¹. Bank qonunchiligida kiberxavfsizlik talablari qismlarga bo‘lingan holda, turli me’yoriy hujjatlarda tarqoq tarzda belgilangan. Yagona kompleks yondashuv yo‘qligi sababli ko‘plab moliyaviy institutlar kiberxavfsizlik sohasida o‘z imkoniyatlariga qarab harakat qilmoqda. Moliyaviy institutlar uchun yagona kiberxavfsizlik standartlari, majburiy monitoring mexanizmlari va kuchaytirilgan nazoratchi vakolatlarni belgilovchi kompleks huquqiy tizimni joriy etish zarur.

¹ O‘zbekiston Respublikasi Markaziy bank “CERT-CBU” kiberxavfsizlik markazi. <https://cert.cbu.uz/>.

IV. Open Banking konsepsiyasining yo'qligi O'zbekiston moliyaviy bozorida raqobat muhitini cheklaydi va innovatsiyalar rivojlanishiga to'sqinlik qiladi. Buyuk Britaniya tajribasi shuni ko'rsatadiki, Open Banking joriy etilgandan so'ng fintech kompaniyalar soni 3 barobarga oshgan va mijozlar uchun xizmatlar narxi 30 foizga kamaygan. Shuni inobatga olgan holda, Open Banking konsepsiyasini qonuniy ravishda joriy etish, API standartlarini belgilash va moliyaviy ma'lumotlar almashuvini tartibga soluvchi huquqiy bazani yaratish orqali raqobat muhitini oshirish va fintech innovatsiyalarini rag'batlantirish lozim.

V. Tartibga soluvchi qumdon (regulatory sandbox) mexanizmining qonun darajasida mavjud emasligi innovatsion g'oyalarning hayotga tatbiq etilishiga to'sqinlik qilmoqda. Singapur, Buyuk Britaniya, Avstraliya kabi mamlakatlarning qonunchilik darajasida belgilash tajribasi shuni ko'rsatadiki, nazorat ostidagi sinov muhiti yaratish orqali ham innovatsiyalarni rag'batlantirish, ham moliyaviy barqarorlikni saqlash mumkin.

VI. Sun'iy intellekt texnologiyalarining keng qo'llanilishi yangi etik va huquqiy muammolarni keltirib chiqarmoqda. Kredit ajratish bo'yicha qarorlarini SI yordamida qabul qilish tezkor va samarali bo'lsa-da, algoritmlardagi noaniqlik va potensial diskriminatsiya xavfi mavjud. Shuning uchun algoritmik shaffoflik, tushuntirish majburiyati va inson nazorati kabi tamoyillarni qonun darajasida belgilash taklif etildi.

Mazkur takliflar asosida batafsil ravishda Raqamli transformatsiya sharoitida bank xizmatlarining ma'muriy-huquqiy tartibga solishni takomillashtirishda O'zbekiston Respublikasining ayrim qonunlari normalaridagi

mavjud muammolar, sohaga oid xorijiy davlatlarning qonunchilik amaliyoti hamda takliflar yuzasidan taqqoslash jadvali va qonunchilikka o'zgartirish kiritish bo'yicha takliflar mazkur dissertatsiyaga ilovalarda keltirilgan

XULOSA

Raqamli transformatsiya qaytarib bo'lmaz jarayon bo'lib, O'zbekiston bank tizimi bu o'zgarishlarga tayyor bo'lishi shart. Taklif etilayotgan o'zgartirishlar bir tomondan innovatsiyalar uchun qulay muhit yaratsa, ikkinchi tomondan moliyaviy barqarorlik va iste'molchilar huquqlarini himoya qiladi. Muhimi, bu o'zgarishlar bosqichma-bosqich emas, balki yaxlit tizim sifatida izchil amalga oshirilishi lozim. Faqat shundagina O'zbekiston global moliyaviy texnologiyalar poygasida orqada qolmay, o'z o'rnini egallashi mumkin bo'ladi.

FOYDALANILGAN AABIYOTLAR:

1. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi - <https://lex.uz/docs/-6445145>.
2. O'zbekiston Respublikasining "Banklar va bank faoliyati to'g'risida"gi 05.11.2019 yildagi O'RQ-580-son Qonuni: <https://lex.uz/docs/-4581969>.
3. O'zbekiston Respublikasining "Markaziy bank to'g'risida"gi 11.11.2019 yildagi O'RQ-582-son Qonuni: <https://lex.uz/ru/docs/-4590452>.
4. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning 2020-yil 24-yanvardagi Oliy Majlisga Murojaatnomasi. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining rasmiy veb-sayti: <https://president.uz/oz/lists/view/3324>.

5. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining ““Raqamli O'zbekiston — 2030” strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to'g'risida”gi 2020-yil 5-oktabrdagi PF-6079-son Farmoni. <https://lex.uz/ru/docs/-5030957>.

6. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining “2022 — 2026 yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to'g'risida”gi 2022-yil 28-yanvardagi PF-60-son Farmoni. <https://lex.uz/docs/-5841063>.

7. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 12-maydagi “2020 — 2025-yillarga mo'ljallangan O'zbekiston Respublikasining bank tizimini isloh qilish strategiyasi to'g'risida”gi PF-5992-son Farmoni: <https://lex.uz/docs/-4811025>

8. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 09-noyabrdagi “Tadbirkorlik faoliyatini davlat tomonidan tartibga solishni soddalashtirish chora-tadbirlari to'g'risida”gi PF-244-son farmoni. <https://lex.uz/uz/docs/-6279879>.

9. Davlyatov V.X., Ergashev LA., Rahmatov E.J. Xalqaro moliya va bank huquqi. Darslik. - Toshkent: TDYU, 2019.- 120 b.

10. Хужаев Ш.А. Совершенствование гражданско-правового регулирования деятельности иностранных банков в Республике Узбекистан: Дис...канд. юр. наук – Ташкент: ТГЮУ, 2019. – 185 с.

11. J.N.Nematov. O'zbekiston Respublikasida ma'muriy tartib-taomillarning huquqiy asoslarini takomillashtirish (qiyosiy-huquqiy tahlil): yur. fan. doktori (DSc) – Toshkent shahri: O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat boshqaruvi akademiyasi, 2019. - 286 b.

12. D.A Zetzsche, W.A Birdthistle, D.W Arner and R.P Buckley. Digital Finance Platforms: Towards a New Regulatory Paradigm: University of Pennsylvania, Journal of Business Law. 2020. – 339 p.

**РОЛЬ АРБИТРАЖА И МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ
КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА УЗБЕКИСТАНА**

Ахадова Мадинабону Асрор кизи

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: axadovamadinabonu56@gmail.com

***Аннотация:** в данном тезисе рассматривается роль арбитража и медиации как эффективных способов разрешения корпоративных споров. Особый акцент сделан на востребованности этих процедур в условиях стремительного развития предпринимательской деятельности, при котором традиционные судебные механизмы часто оказываются затяжными. Отдельное внимание уделяется преимуществам медиации и арбитража, таким как добровольный характер, конфиденциальность, оперативность, независимость сторон и сохранение деловых связей. Существенная роль отводится Ташкентскому международному арбитражному центру как основному институту, способствующему формированию современной арбитражной системы в стране и внедрению международных подходов в урегулирование корпоративных споров. В тезисе аргументируется, что развитие арбитража и медиации в Узбекистане способствует правовой устойчивости, снижению нагрузки на судебную систему и улучшению инвестиционного климата.*

***Ключевые слова:** Корпоративные споры, участники корпоративных отношений, альтернативное разрешение споров, судебный процесс, медиация, медиатор, арбитраж, арбитражный центр, арбитр, арбитражное соглашение, конфиденциальность.*

**THE ROLE OF ARBITRATION AND MEDIATION IN THE
CORPORATE LAW SYSTEM OF UZBEKISTAN**

Akhadova Madinabonu Asror qizi

Master student of Tashkent state university of law

E-mail: axadovamadinabonu56@gmail.com

Abstract: *this thesis examines the role of arbitration and mediation as effective methods for resolving corporate disputes. Special emphasis is placed on the growing demand for these procedures in the context of the rapid development of entrepreneurial activity, where traditional judicial mechanisms often prove to be lengthy. Particular attention is given to the advantages of mediation and arbitration, such as their voluntary nature, confidentiality, efficiency, independence of the parties, and the preservation of business relationships. A significant role is assigned to the Tashkent International Arbitration Center as the main institution contributing to the formation of a modern arbitration system in the country and the implementation of international approaches to corporate dispute resolution. The thesis argues that the development of arbitration and mediation in Uzbekistan promotes legal stability, reduces the burden on the judicial system, and improves the investment climate.*

Key words: *Corporate disputes, participants in corporate relations, alternative dispute resolution, court process, mediation, mediator, arbitration, arbitration center, arbitrator, arbitration agreement, confidentiality.*

С развитием рыночной экономики в Узбекистане и активным ростом предпринимательской деятельности возрастает потребность в эффективных правовых способах разрешения корпоративных споров. Такие споры могут возникать в различных ситуациях, например, между учредителями, акционерами или руководством компании.

Как правило, причинами корпоративных споров являются:

- Нарушение устава и корпоративного договора;
- Злоупотребление полномочиями;
- Нарушение прав акционеров;
- Потеря доверия к руководству;
- Ложная или искажённая отчётность;
- Отказ в доступе к информации.

Следует отметить, что такие конфликты затрагивают важные бизнес-интересы и могут негативно повлиять на стабильность компании или даже привести к её закрытию.

Согласно Экономическому процессуальному кодексу Республики Узбекистан, корпоративные споры рассматриваются экономическими судами. Однако судебное разбирательство может занять продолжительное время, потребовать значительных финансовых затрат и не всегда приводит к удовлетворительным результатам. Кроме того, суд не способен сохранить деловые отношения между сторонами, что особенно важно в предпринимательской среде. Поэтому альтернативные способы разрешения споров приобретают всё большее значение.

Как известно, альтернативное разрешение споров – это совокупность правовых процедур, позволяющих сторонам урегулировать конфликт без обращения в государственный суд. Основные формы альтернативного разрешения споров – это арбитраж и медиация. Важно отметить, что эти формы отличаются от судопроизводства своей договорной природой, оперативностью и ориентацией на потребности бизнеса. Это особенно ценно

в корпоративных правоотношениях, где важны скорость, конфиденциальность и сохранение партнёрских связей.

Практика медиации в Узбекистане началась с вступления в силу Закона Республики Узбекистан «О медиации» от 3 июля 2018 года. Этот закон определяет правовые основы процедуры, роль медиатора, порядок проведения медиации и юридическую силу медиативного соглашения. В соответствии с законом, медиация – это процедура разрешения спора при содействии нейтрального посредника, медиатора, на основе добровольного согласия сторон с целью достижения взаимоприемлемого решения конфликта [1].

Закон предоставляет гибкий подход к применению медиации. Её можно использовать:

- До обращения в суд;
- Во время судебного процесса, до вынесения окончательного решения;
- После судебного решения, на стадии его исполнения.

Согласно Закону Республики Узбекистан «О медиации», стороны самостоятельно выбирают медиатора, а также определяют условия, правила и срок проведения процедуры. Обычно медиация длится до 30 дней, но при согласии сторон этот срок может быть продлён ещё на 30 дней.

Закон чётко устанавливает основные принципы медиации:

- «Добровольность» – стороны самостоятельно решают, участвовать ли в медиации, продолжать ли её и могут выйти из процесса в любой момент;

– «Конфиденциальность» – вся информация, полученная в ходе медиации, не подлежит разглашению и не может быть использована в суде без согласия обеих сторон;

– «Нейтральность и независимость медиатора» — медиатор не вправе принимать решения, давать советы или занимать чью-либо сторону;

– «Равенство сторон» – каждая из сторон имеет равное право высказывать свою позицию и предлагать условия соглашения.

Наряду с медиацией, всё более важное значение приобретает арбитраж. Его основные преимущества – оперативность, профессионализм арбитров и конфиденциальность – делают его привлекательным инструментом для разрешения сложных корпоративных конфликтов. Особенно важно отметить, что в последние десятилетия арбитраж стал одним из основных способов разрешения корпоративных споров, особенно в международной торговле. Это связано с тем, что арбитраж позволяет избежать государственной судебной системы и предоставляет возможность выбора нейтрального места для разрешения спора, особенно между резидентами разных стран [2].

Важным шагом в развитии арбитража стало принятие Закона Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» в феврале 2021 года. В нём определены правила заключения арбитражного соглашения, порядок выбора арбитров и организация арбитражного разбирательства.

Согласно Закону Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже», арбитраж – это способ разрешения спора

постоянным арбитражным учреждением либо арбитражем, созданным для конкретного дела. Арбитр – это лицо, избранное сторонами для рассмотрения спора в арбитражном порядке [3].

Что касается арбитражного соглашения, то в соответствии с законом, это договор, по которому стороны передают все или некоторые споры на разрешение в арбитраж. Главное условие действительности такого соглашения – наличие письменной формы. Закон также предоставляет сторонам свободу в выборе правил арбитража. Например, стороны могут договориться о числе арбитров. При отсутствии соглашения дело рассматривается тремя арбитрами по умолчанию. Также каждая сторона вправе заявить отвод арбитру, если сомневается в его беспристрастности или независимости [4], что гарантирует справедливость процесса.

Закон также регулирует место и язык арбитража. Если стороны не договорились об этом, арбитражный суд принимает решение, исходя из обстоятельств дела. Стороны могут выбрать один или несколько языков, что особенно актуально для международных споров.

Значимым шагом в развитии арбитража в Узбекистане стало создание «Ташкентского международного арбитражного центра» (ТИАС) при Торгово-промышленной палате Республики Узбекистан.

Основная задача ТИАС – формирование современной, прозрачной и эффективной арбитражной системы, соответствующей международным стандартам. Центр направлен не только на обеспечение качественного арбитража по коммерческим спорам, но и на создание благоприятной среды для привлечения иностранных инвестиций.

ТИАС работает по собственному регламенту, предусматривающему быстрое и эффективное рассмотрение дел, включая корпоративные споры. Центр предлагает сторонам выбрать арбитров из числа известных национальных и международных экспертов, использует современные цифровые технологии, обеспечивает многоязычное разбирательство и высокие стандарты справедливости.

Одним из ключевых преимуществ ТИАС является его ориентация на потребности бизнеса. Регламент центра позволяет проводить ускоренные процедуры, участвовать в разбирательствах онлайн и сохранять конфиденциальность. Это делает ТИАС оптимальным выбором для разрешения корпоративных споров между резидентами и нерезидентами Узбекистана. Важно отметить, что центр активно сотрудничает с международными экспертами и организациями, внедряя лучшие практики арбитража.

Таким образом, арбитраж в Узбекистане становится стабильным и надёжным способом разрешения корпоративных споров, способствуя правовой определённости в бизнесе и снижению нагрузки на государственные суды.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью сказать, что альтернативные способы разрешения корпоративных споров – арбитраж и медиация – доказали свою полезность в деловой практике Узбекистана. Перечислим ключевые преимущества арбитража и медиации в корпоративных конфликтах:

Добровольность и гибкость – обе процедуры основаны на соглашении сторон, что позволяет адаптировать их под конкретную ситуацию.

Конфиденциальность – особенно важна для корпоративных дел с коммерческой тайной. Арбитраж и медиация помогают избежать публичности и репутационных рисков.

Оперативность – по сравнению с судами, эти процедуры значительно быстрее, особенно в ускоренном формате.

Экономичность – отсутствуют государственные пошлины, ниже затраты на юристов и общее ведение дела.

Сохранение деловых отношений – альтернативное разрешение споров снижает напряжение и способствует долгосрочному сотрудничеству.

В заключение можно уверенно утверждать, что арбитраж и медиация как альтернативные способы разрешения корпоративных споров прочно закрепились в правовой практике Узбекистана. Они показали свою эффективность, гибкость и соответствие требованиям современного бизнеса.

Медиация особенно полезна в корпоративных делах, так как позволяет сторонам прийти к взаимовыгодному решению при участии нейтрального посредника – медиатора. Закон «О медиации» предоставляет сторонам право выбирать медиатора, устанавливать сроки и правила, а главное – проводить процедуру в доверительной и конфиденциальной атмосфере. Это особенно важно для компаний, где сохранение отношений после конфликта критично.

Арбитраж, в свою очередь, является более формальной, но также быстрой и эффективной процедурой. Стороны сами выбирают арбитров,

устанавливают регламент и могут быть уверены в конфиденциальности разбирательства. Особенно важно, что арбитраж удобен для международных споров между сторонами из разных стран. Принятый в феврале 2021 года Закон «О международном коммерческом арбитраже» стал важным шагом в этом направлении. Он чётко регулирует порядок арбитражного процесса, права сторон и независимость арбитров.

Стоит также отметить создание Ташкентского международного арбитражного центра, который стал значимой платформой для разрешения споров по международным стандартам. Центр уже активно взаимодействует с глобальными организациями и способствует формированию арбитражной системы, соответствующей мировому уровню.

Подводя итог, можно сказать, что арбитраж и медиация действительно являются эффективными инструментами разрешения корпоративных споров в Узбекистане. Они позволяют бизнесу решать проблемы быстро, гибко, с меньшими затратами и без разрушения деловых отношений. Проведённые правовые реформы, создание специализированных центров и использование международного опыта формируют прочную основу для дальнейшего развития этих механизмов. Всё это способствует укреплению деловой среды в стране, снижению нагрузки на суды и повышению доверия между деловыми партнёрами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Закон Республики Узбекистан «О медиации» от 3 июля 2018 года № ЗРУ–482.
2. К. Омонжонова, Л. Ачилова. «Эффективность альтернативных методов разрешения коммерческих споров: сравнительный анализ арбитража и медиации» // Журнал «Общество и инновации», 2024, том 5, № 3/S, с. 125–130.
3. Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» от 16 февраля 2021 года № ЗРУ–674.
4. Эргашев А.Б. Значение альтернативных методов разрешения споров для инвестиционной привлекательности Узбекистана // Журнал «Вопросы права и экономики». – 2022. – № 4. – С. 87–92.1.

**RAQAMLI AXBOROT TEXNOLOGIYALARI DAVRIDA MULKKA
BO'LGAN HUQUQIY YONDASHUVLARNING YANGILANISHI**

Xudaibergenova Dilnoza Ulug'bek qizi

Toshkent Davlat Yuridika universiteti Ommaviy axborot

vositalari huquqi yo'nalishi talabasi

E-mail: dilush826@gmail.com

Annotatsiya: maqolada raqamli texnologiyalar rivoji mulk huquqining mazmun va shakllarini qanday o'zgartirayotgani yoritiladi. Raqamli aktivlar, NFT, sun'iy intellekt mahsulotlari an'anaviy huquqiy me'zonlarga to'g'ri kelmasligi sababli, funksional mulk modeli zarurligi asoslab beriladi. O'zbekiston qonunchiligidagi mavjud bo'shliqlar ko'rsatilib, xalqaro tajriba asosida normativ asoslarni takomillashtirish bo'yicha takliflar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: raqamli mulk, funksional mulk modeli, NFT, sun'iy intellekt, blokcheyn texnologiyasi, raqamli huquqlar, egalik huquqi, raqamli aktivlar, O'zbekiston qonunchiligi, huquqiy transformatsiya

**MODERNIZATION OF LEGAL APPROACHES TO PROPERTY
RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL INFORMATION
TECHNOLOGIES DEVELOPMENT**

Khudaibergenova Dilnoza Ulugbek qizi

Student of the Mass Media Law program at

Tashkent State University of Law

E-mail: dilush826@gmail.com

Abstract: the article discusses how digital technologies reshape traditional property rights. It argues for a functional ownership model suitable for digital

assets like NFTs and AI outputs. Legal gaps in Uzbekistan are highlighted, and recommendations based on international practices are proposed.

Keywords: digital property, functional ownership model, NFTs, artificial intelligence, blockchain, digital rights, ownership law, digital assets, Uzbekistan legislation, legal transformation.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К ПРАВУ
СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Худайбергенова Дилноза Улугбековна

Студент направления “Право средств массовой информации”
Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: dilush826@gmail.com

Аннотация: в статье анализируется влияние цифровых технологий на трансформацию права собственности. Автор показывает, что NFT и ИИ-продукты требуют новых подходов, в частности — функциональной модели собственности. Отмечаются пробелы в законодательстве Узбекистана и предлагаются меры по его совершенствованию на основе международного опыта.

Ключевые слова: цифровая собственность, функциональная модель, NFT, искусственный интеллект, блокчейн, цифровые права, право владения, цифровые активы, законодательство Узбекистана, правовая трансформация.

Zamonaviy hayotni axborot texnologiyalarsiz tasavvur qilib bo'lmaydi. Ular inson faoliyatining barcha sohalariga ta'sir ko'rsatib, bir tomondan, hayotni

soddalashtirsa, ikkinchi tomondan, inson huquqlarini amalga oshirish va himoya qilishda yangi muammolarni yuzaga keltirmoqda. Globalizatsiya va jamiyatning raqamlashtirilishi ijtimoiy munosabatlarni murakkablashtiribgina qolmay, davlatlarning yurisdiksiya chegaralarini ham raqamli makonda noaniq holatga keltirdi, shu bilan birga, inson va fuqaro huquqlarining mazmunini o'zgartirdi. Bu transformatsiya an'anaviy huquqlarni ham, shuningdek yangi — raqamli huquqlarni ham o'z ichiga oladi va ularning konstitutsiyaviy darajada tan olinishi hozircha bahsli masalalardan biri bo'lib qolmoqda¹.

Axborot texnologiyalari davri umumiy inson huquqlarini qayta ko'rib chiqish va ularni kengaytirish zaruratini yuzaga chiqarmoqda. Bugun davlatning asosiy vazifalaridan biri — raqamli huquqlarni tan olish, ularni himoya qilish, shuningdek, shaxs, jamiyat va davlat konstitutsiyaviy xavfsizligini ta'minlashdir. Raqamli texnologiyalar amaliyotga joriy qilinarkan, Konstitutsiya fuqarolarning huquqlarini e'lon qilgan bo'lsa-da, shaxsning huquqiy himoyasizligi saqlanib qolmoqda². Bugungi vaziyat inson huquqlarini raqamli muhitda himoya qilish bo'yicha yangi qonunchilik yondashuvlarini ishlab chiqishni taqozo etadi.

Eng dolzarb muammo — raqamli makonda konstitutsiyaviy huquqlarni amalga oshirish va himoya qilish masalasidir. Bu boradagi qiyinchiliklar, avvalo, davlat boshqaruvi tizimining raqamlashtirilishi va davlat hokimiyati organlari faoliyatiga raqamli xizmatlarning joriy etilishi bilan bog'liq. Bir tomondan, bu faoliyat yo'nalishi davlat boshqaruvini takomillashtirish, uni samaraliroq qilish

¹ European Commission. Data Governance Act (Regulation (EU) 2022/868). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R0868>.

² United Nations. Roadmap for Digital Cooperation. – New York: UN, 2020. – URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap>.

uchun mo'ljallangan. Masalan, axborot texnologiyalari fuqarolar murojaatlarini ko'rib chiqish muddatlarini qisqartirishga, idoralararo o'zaro aloqani soddalashtirishga, ijtimoiy ahamiyatga ega axborotga kirishni ta'minlashga, fuqarolar va davlat hokimiyati organlari shu jumladan sudlar o'rtasidagi o'zaro aloqani yengillashtirishga xizmat qilmoqda. Ammo, texnologiyalarni keng joriy etish va ularning ommaviy qo'llanilishiga qaramay, fuqarolar ko'pincha o'z huquqlarini amalga oshirishda va ularni himoya qilishda muammolarga duch kelmoqda. Bu esa "raqamli tafovut" — ya'ni fuqarolarning barchasida Internetga kirish imkoniyati, texnik ta'minoti, yoki texnologiyalarni egallash salohiyati yo'qligi bilan izohlanadi.

Bundan tashqari raqamli axborot texnologiyalarining jadal rivojlanishi jamiyatdagi ko'plab huquqiy institutlarni, xususan mulk huquqining mazmuni va shakllarini tubdan o'zgartirmoqda. An'anaviy mulk huquqi tushunchasi moddiy ob'ektlar ustidan egalik, foydalanish va tasarruf qilish huquqlari majmui sifatida yasalgan bo'lsa, raqamli makonda bunday mezonlar yetarli darajada ishlamayapti. Bunda mulk ob'ekti sifatida axborot, kodlar, algoritmlar, sun'iy intellekt mahsulotlari, virtual aktivlar kabi yangi shakllar maydonga chiqmoqda. Bu esa mulk huquqining nazariy asoslarini qayta ko'rib chiqish va yangi kontseptual yondashuvlarni ishlab chiqishni taqozo qilmoqda³. Raqamli egalik — bu faqat texnik nazorat emas, balki raqamli resurslar ustidan ijtimoiy-huquqiy munosabatlar majmuasini anglatadi. Raqamli obyektlar, jumladan, NFT (non-fungible token), sun'iy intellekt mahsulotlari yoki virtual mol-mulklar ustidan egalik qilish, ularni boshqarish va iqtisodiy aylanishga kiritish imkoniyati mavjud bo'lsa-da, ular

³ Филимонова С.В. Цифровые права как новые объекты гражданского права. – М., 2020.

modellashtirilgan egalik tizimiga mos kelmaydi. Masalan, NFT ob'ektlari o'z tabiatiga ko'ra yagona va blokcheyn texnologiyasi asosida raqamli "egalik"ni belgilasa-da, bu egalik klassik huquqiy mulkka bo'lgan egalikdan tubdan farq qiladi⁴.

Raqamli mulkning huquqiy tabiati, bir tomondan, uni axborot resursi sifatida ko'rishga, boshqa tomondan, iqtisodiy qiymatga ega mulk ob'ekti sifatida baholashga olib keladi. Bu ikki yondashuv o'rtasida nomuvofiqlik raqamli mulkka nisbatan mulkiy huquqlarning qanday asosda taqdim etilishi masalasini murakkablashtiradi. Mavjud huquqiy tizimlarda raqamli obyektlar ko'pincha mualliflik huquqi, intellektual mulk yoki xizmat ko'rsatish shartnomalari orqali tartibga solinadi. Biroq, ular ustidan to'liq mulkiy huquqga ega bo'lish imkoniyati har doim ham ochiq emas. Bu holat egalikdan foydalanishga o'tish paradigmasini yuzaga keltirmoqda, ya'ni shaxslar raqamli obyektlarga egalik qilishdan ko'ra, ulardan foydalanish, xizmatlar ko'rinishida foydalanish huquqiga ega bo'lmoqdalar⁵.

Zamonaviy texnologiyalar – xususan blokcheyn va aqlli shartnomalar – raqamli egalikni avtomatlashtirilgan, ishonchli va mustaqil yuritiladigan tizimlarga aylantirmoqda. Aqlli shartnomalar (smart contracts) orqali raqamli obyektlar ustidan egalik qilish, ularni transfer qilish, vaqtincha foydalanish huquqini berish yoki qayta sotuvi huquqlari avtomatik ravishda amalga oshiriladi. Bu tizimlar klassik shartnoma huquqiga zid bo'lmagan holda, lekin undan mustaqil tarzda ishlashi mumkin. Shu bilan birga, ularning huquqiy kuchi ko'plab yurisdiksiyalarda to'liq tan olinmaganligi, ayniqsa egalikdan kelib chiqadigan

⁴ Lehavi A. The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World. Springer, 2020.

⁵ De Filippi P., Wright A. "Blockchain and the Law: The Rule of Code". – Harvard University Press, 2018.

mas'uliyat va huquqiy himoya mexanizmlarining noaniqligi muammolarni keltirib chiqaradi⁶. Raqamli mulkning funksional modeli hozirda ilgari surilayotgan yangi nazariyalardan biridir. Bu modelda mulk — bu shunchaki huquqiy egalik emas, balki foydalanuvchining texnik nazorati, iqtisodiy manfaatdorligi va huquqiy himoya darajasining o'zaro uyg'unligi sifatida qaraladi. Mulkka ega bo'lish, undan foydalanish va tasarruf qilish funktsiyalari bir shaxsda emas, balki turli agentlar o'rtasida bo'linishi mumkin. Masalan, foydalanuvchi NFT ko'rinishidagi ob'ektni egalik qiladi, lekin undagi intellektual mulk huquqi yaratuvchida qoladi, texnik nazorat esa platforma operatorida bo'ladi⁷. Bu holat O'zbekistonning fuqarolik qonunchiligida an'anaviy egalik konsepsiyasiga zid bo'lib, yangi huquqiy yondashuvlarni talab etadi.

O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida raqamli mulkka oid huquqiy asoslar hali shakllanmagan. Fuqarolik kodeksida axborot ob'ektlari yoki raqamli aktivlar ustidan egalik huquqi aniq ko'rsatilmagan. “Elektron hukumat”, “Axborotlashtirish”, “Elektron tijorat” to'g'risidagi qonunlar ayrim jihatlariga to'xtalgan bo'lsa-da, mulk huquqi kontekstida ular yetarli emas. Shuningdek, raqamli aktivlar bo'yicha Markaziy bank yoki Adliya vazirligi tomonidan tasdiqlangan tartibga soluvchi me'yoriy hujjatlar mavjud emas. Natijada, yuridik va jismoniy shaxslar raqamli ob'ektlar ustidan huquqiy da'volarini ilgari surishda aniq normativ asosga ega emaslar.

Xorijiy davlatlar tajribasida esa bu boradagi yondashuvlar ancha ilg'or. Masalan, AQSh va Yevropa Ittifoqi mamlakatlarida raqamli aktivlar, sun'iy

⁶ Lehari A. “The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World” // in Disruptive Technology, Legal Innovation, and the Future of Real Estate. – Springer, 2020.

⁷ Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge: MIT Press, 2018. – 320 b.

intellekt mahsulotlari va NFTlar uchun muayyan mulkiy huquq doirasi belgilanmoqda. Singapur, Estoniya, Shveysariya kabi davlatlarda blokcheyn asosida ishlovchi raqamli aktivlar uchun alohida huquqiy rejimlar joriy etilgan. Bu davlatlarda egalik huquqi raqamli shaklda e'tirof etilishi, tranzaksiyalarni yuridik kuchga ega ekanligi e'tirof etilgan. Bu tajriba O'zbekiston uchun ham zarur huquqiy konsepsiyalarni shakllantirishda yo'l xaritasi bo'lib xizmat qilishi mumkin.

Raqamli texnologiyalar zamonaviy huquqiy tizimlar oldiga yangi talab va vazifalarni qo'yimoqda. Xususan, mulk huquqining transformatsiyasi raqamli aktivlar, sun'iy intellekt mahsulotlari va blokcheyn texnologiyalari doirasida o'zining yangi nazariy asoslarini shakllantirishga majbur bo'lmoqda. Shu nuqtai nazardan, raqamli mulk tushunchasi klassik mulk huquqi doirasidan chiqib, egalik qilish, foydalanish va tasarruf etish kabi kategoriyalarni yangi mazmunda talqin etishga olib kelmoqda. Endilikda raqamli resurslar ustidan huquqiy munosabatlar nafaqat egalik huquqi doirasida, balki funksional mulk modeli doirasida ham yondashuvni talab qilmoqda.

An'anaviy mulk tushunchasi, o'z mohiyatiga ko'ra, jismoniy obyektlar ustidan to'liq egalikni anglatadi. Ammo raqamli muhitda bu yondashuv o'z ahamiyatini yo'qotmoqda. Masalan, foydalanuvchining raqamli faylga egaligi uni cheksiz ko'paytirish, uzatish yoki qayta ishlash imkoniyatini beradi, ammo bu jarayonda egalik subyektini kim ekanligini aniqlash qiyinlashadi. Bu holat mulk huquqining subyektiv va obyektiv mezonlarini qayta ko'rib chiqishga undaydi.

Funksional mulk modeli aynan shunday vaziyatlarda dolzarb bo'ladi. Bu modelga ko'ra, muayyan raqamli resursdan foydalanuvchi shaxs egalik qilish

huquqiga emas, balki undan ma'lum maqsadda va doirada foydalanish imkoniyatiga ega bo'ladi. Mazkur yondashuv AQSh va Yevropa Ittifoqi qonunchiliklarida shakllangan "access rights" (foydalanish huquqlari) konsepsiyasi asosida mustahkamlanmoqda. Shu orqali, egalikning o'zi emas, balki resursdan foydalanish imkoniyati huquqiy muhofaza obyekti sifatida qaralmoqda ⁸.

Yana bir muhim jihati shundaki raqamli obyektlarga bo'lgan huquqiy yondashuvda ularning qayta ishlab chiqilishi va modifikatsiya qilinishining imkoniyati bilan bog'liqdir. Sun'iy intellekt mahsulotlari, raqamli algoritmlar yoki shifrlangan ma'lumotlar ustidan bo'lgan egalik, klassik mulk huquqi bilan qamrab olinmaydi. Bu holatlarda funksional yondashuv, ya'ni raqamli resursdan foydalanish chegaralari, ularni boshqarish va uzatish shartlari asosida huquqiy tartibga solish muhim bo'lmoqda ⁹.

Masalan, NFT (No-Fungible Token) shaklidagi raqamli aktivlar egalikni token orqali ifodalaydi, ammo aktivning o'zi blokcheyn tizimi ichida mavjud bo'lib, unga egalik qilish – uni real ma'noda boshqarish va foyda olish huquqini anglatmaydi. Bu holat raqamli mulk huquqi subyektlari va obyektlari orasidagi aloqani yangicha talqin qilishni taqozo etadi. Bu esa "bundle of rights" (huquqlar to'plami) nazariyasiga yaqinlashadi, ya'ni raqamli aktiv ustidan bir nechta huquqiy elementlar bir vaqtning o'zida mavjud bo'lishi mumkin.

Transchegaraviy raqamli egalik holatlari esa yana bir murakkab masaladir. Masalan, agar raqamli mulkka bo'lgan huquq bir davlatda shakllansa, ammo undan foydalanish boshqa yurisdiksiyada yuz bersa, qanday huquqiy tartib qo'llaniladi?

⁸ Lemley M. A. "Property, Intellectual Property, and Free Riding." Texas Law Review, 2005.

⁹ Amnon Lehari. The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World. Springer, 2020.

Bunday holatlarda xalqaro huquq normalari, yurisdiksiyalararo kelishuvlar va raqamli platformalar siyosati hal qiluvchi rol o'ynaydi. Aynan shuning uchun ham O'zbekiston uchun raqamli mulkka oid huquqiy tizimni yaratishda xalqaro tajribani chuqur o'rganish zarur.

Xulosa o'rnida alohida ta'kidlash joizki, O'zbekiston huquqiy tizimi bugungi globallashuv va raqamlashtirish sharoitida yuzaga kelayotgan yangi ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlarga huquqiy javob berishga tayyor bo'lishi lozim. Ayniqsa, raqamli mulkning o'ziga xos, gibrid va ko'p funksiyali tabiatini inobatga olgan holda, huquqiy yondashuvlarni yangilash dolzarb masalaga aylangan. Shu nuqtai nazardan, davlatning vazifasi — faqat mavjud huquqiy normalarni qo'llash emas, balki raqamli obyektlar ustidan egalik, foydalanish va tasarruf qilish bilan bog'liq huquqiy munosabatlarni zamonaviy funksional mulk modeli asosida tartibga soladigan, puxta va aniq normativ huquqiy bazani yaratishdir.

Bunday qonunchilik tizimi fuqarolarning raqamli resurslar ustidan egalik huquqlarini, ularni erkin va xavfsiz tarzda ishlatish imkoniyatini, shuningdek, raqamli mulk ob'ektlarining yurisdiksiyaviy muhofazasini kafolatlovchi asosiy huquqiy poydevorga aylanishi zarur. Bu, o'z navbatida, raqamli iqtisodiyotning barqaror rivojlanishini ta'minlaydi, investitsion muhitni mustahkamlaydi va intellektual faoliyat natijalarining huquqiy himoyasini kuchaytiradi. Zero, bugungi kunda "kelajak huquqi" degan tushuncha ortida an'anaviy yondashuvlardan voz kechgan, texnologik o'zgarishlarni chuqur anglagan va raqamli voqelik talablariga moslashgan huquqiy tafakkur yotadi. Bunday yondashuv O'zbekistonning huquqiy tizimini ilg'or global standartlar bilan uyg'unlashtirib, fuqarolarning huquqiy kafolatlarini real va amaliy jihatdan ta'minlashda xizmat qilishi lozim.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO'YXATI:

1. European Commission. Data Governance Act (Regulation (EU) 2022/868). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R0868>.
2. United Nations. Roadmap for Digital Cooperation. – New York: UN, 2020. – URL: <https://www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap>.
3. Филимонова С.В. Цифровые права как новые объекты гражданского права. – М., 2020.
4. Lehari A. The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World. Springer, 2020.
5. De Filippi P., Wright A. “Blockchain and the Law: The Rule of Code”. – Harvard University Press, 2018.
6. Lehari A. “The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World” // in Disruptive Technology, 7. Legal Innovation, and the Future of Real Estate. – Springer, 2020.
7. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge: MIT Press, 2018. – 320 b.
8. Lemley M. A. “Property, Intellectual Property, and Free Riding.” Texas Law Review, 2005.
9. Amnon Lehari. The Future of Property Rights: Digital Technology in the Real World. Springer, 2020.

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Каршиева Сохибжамол Баходир кизи

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые особенности технологии блокчейн, изначально разработанной для функционирования криптовалют, а ныне активно внедряемой в различные правовые и хозяйственные процессы. Проанализированы принципы построения блокчейн-систем, их децентрализованный характер, а также ключевые элементы защиты данных, такие как хеш-функции и криптографические ключи. Особое внимание уделено возможности использования блокчейна в сфере заключения смарт-контрактов, регистрации прав и ведения цифровых реестров. Отдельно подчеркнута необходимость правового регулирования данной технологии с учетом ее технических характеристик и потенциала к трансформации правовой среды.*

***Ключевые слова:** блокчейн, смарт-контракт, криптография, децентрализация, цифровой реестр, правовое регулирование, хеш-функция, цифровая подпись, защита данных, распределенная сеть.*

BLOKCHEYN TEXNOLOGIYASI VA UNING HUQUQIY XUSUSIYATLARI

Qarshiyeva Sohibjamol Bahodir qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

***Annotatsiya.** Maqolada dastlab kriptovalyutalar faoliyatini ta'minlash maqsadida yaratilgan, ammo hozirda turli huquqiy va xo'jalik jarayonlarida faol qo'llanilayotgan blokcheyn texnologiyasining huquqiy xususiyatlari ko'rib chiqiladi. Blokcheyn tizimlarining tuzilish tamoyillari, ularning markazlashmagan*

tabiati, shuningdek, ma'lumotlarni himoyalashda qo'llaniladigan asosiy elementlar, xesh-funksiyalar va kriptografik kalitlar tahlil qilinadi. Smart-kontraktlar tuzish, mulk huquqlarini ro'yxatdan o'tkazish va raqamli reyestrlar yuritishda blokcheyndan foydalanish imkoniyatlariga alohida e'tibor qaratiladi. Texnologiyaning texnik xususiyatlari va huquqiy muhitalarga ta'siri inobatga olingan holda, uni huquqiy tartibga solish zarurligi alohida ta'kidlanadi.

Kalit so'zlar: blokcheyn, smart-kontrakt, kriptografiya, markazlashmaganlik, raqamli reyestr, huquqiy tartibga solish, xesh-funksiyalar, raqamli imzo, ma'lumotlarni himoyalash, taqsimlangan tarmoq.

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND ITS LEGAL FEATURES

Karshieva Sokhibjamol Bakhodir kizi

Master's student at Tashkent State Law University

Abstract. *The article examines the legal features of blockchain technology, which was initially developed for cryptocurrency operations and is now actively being integrated into various legal and economic processes. It analyzes the principles of blockchain system architecture, its decentralized nature, and key data protection elements such as hash functions and cryptographic keys. Special attention is given to the use of blockchain in smart contract execution, rights registration, and the management of digital registries. The article highlights the need for legal regulation of this technology, taking into account its technical characteristics and its potential to transform the legal landscape.*

Keywords: *blockchain, smart contract, cryptography, decentralization, digital registry, legal regulation, hash function, digital signature, data protection, distributed network.*

ВВЕДЕНИЕ

Технология блокчейн, изначально созданная для обеспечения функционирования криптовалют, стремительно распространяется в различных секторах цифровой экономики и представляет собой инновационный инструмент, способный трансформировать существующие правовые отношения. Отказ от централизованного хранения, прозрачность и невозможность изменения зафиксированной информации делают блокчейн привлекательной платформой для юридически значимых действий. Однако его применение порождает ряд вопросов, требующих правового анализа и законодательного закрепления.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе работы применялись следующие научные методы:

- нормативно-правовой анализ: изучены положения законодательства Республики Узбекистан, регулирующие цифровые технологии, а также международные подходы;
- сравнительно-правовой метод: проведено сопоставление опыта ЕС, США, Японии и других стран по правовому оформлению блокчейн-среды;
- техническо-правовой подход: рассмотрены алгоритмические особенности технологии и их значение для правовой квалификации действий;
- аналитический метод: на основе научных публикаций и практики сформированы выводы и предложения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие блокчейн и сферы его применения. Впервые технология блокчейн (от англ. Blockchain) была применена в криптовалюте биткойн (от англ. Bitcoin)¹. Термин «блокчейн» происходит от английских слов block (блок) и chain (цепь), что в дословном переводе означает «цепочка блоков». Под технологией блокчейн, также называемой децентрализованной технологией распределенных реестров, понимается база данных, в которую информация вносится в виде последовательных записей, защищенных криптографическими методами, что исключает возможность их изменения или удаления после фиксации.

Ключевая особенность блокчейна заключается в его устойчивости к подделке данных за счет применения шифрования и отсутствия централизованного хранения. Код блокчейн-системы, как правило, распространяется на условиях открытой лицензии (open source), что позволяет свободно использовать, изменять и распространять его безвозмездно, в том числе независимо от криптовалютных проектов, таких как биткойн.

Нам бы хотелось привести мнения О.Хусанбаева утверждавшего, что преимущество использования блокчейна для сделок заключается в том, что это позволяет проводить быстро, децентрализованно и безопасно транзакции без посредников (брокеров, агентов). Данные хранятся в блокчейне, как правило, в достоверном и неизменном виде. Блокчейн реестры также способны обеспечивать возможность заключения смарт-лицензионных

¹ Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М.: Статут, 2016. — 640 с.

договоров, которые автоматически исполняются, в том числе в части уплаты лицензионного сбора и регистрации лицензии в реестре. То же самое касается и других видов сделок, перехода прав или создания обременений. Цифровые временные отметки, «прикрепленные» к каждой сделке, могли бы гарантировать полную прослеживаемость и проверяемость прав интеллектуальной собственности в цифровом имущественном обороте².

Еще одной из перспективных сфер применения блокчейн-технологии являются смарт-контракты - цифровые соглашения, исполняемые автоматически при наступлении определенных условий. Помимо этого, блокчейн применяется для создания распределенных реестров прав на активы, например, объекты интеллектуальной собственности, фиксации нотариальных действий, ведения электронных медицинских карт, проведения голосований, в том числе голосований акционеров. Такая структура позволяет каждому участнику иметь доступ к полной, идентичной и синхронизированной версии реестра, без необходимости в централизованном администраторе.

Хотя технические аспекты работы технологии блокчейн могут показаться достаточно сложными для восприятия, их изучение остается важным для правового анализа. Понимание технической природы блокчейна необходимо для адекватного регулирования возникающих на его основе правоотношений. В наиболее простом варианте блокчейн – это цепочка

² Khusanbaev O. The development of digital law in the era of modern technologies // Society and Innovations. — 2025. — Vol. 6, No. 3. — P. 42–48. — DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss3-pp42-48.

блоков, образующих связанный список³, то есть список, где каждый блок информации зависит от следующего или предыдущего блока. Схема процесса формирования такого связанного списка на основе блокчейн приведена Приложении 1.

Предположим, пользователь намерен совершить сделку, что предполагает проведение транзакции. Для этого он формирует сообщение в виде программного кода. Далее отдельные участки данных, возможно поступившие от разных пользователей, объединяются в блоки фиксированного и заранее определенного размера. При этом один блок, как правило, содержит сведения только об одной транзакции. Затем к нему добавляется служебная информация - такие элементы, как хеш-функции и параметр «nonce», которые обеспечивают проверку целостности блока и его корректную интеграцию в децентрализованную сеть.

Эти элементы играют ключевую роль в предотвращении фальсификации данных и обеспечении доверия к системе. Технически любой текст (блок) может быть преобразован в однозначный набор символов фиксированной длины – хеш⁴. К примеру, хеш может быть представлен в виде определенной последовательности символов, и даже незначительное изменение содержания блока вызывает полное изменение его хеш-значения. Для предотвращения подделки данных и обеспечения их неизменности в процессе формирования хеша текущего блока используется хеш

³ Связанный список [Электронный ресурс] // Wikipedia : свободная энциклопедия. — 2017. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/связанный_список, свободный.

⁴ Хеширование [Электронный ресурс] // Wikipedia : свободная энциклопедия. — 2017. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хеширование>, свободный.

предыдущего. Это приводит к тому, что изменение информации в одном блоке автоматически нарушает целостность всех последующих блоков в цепи. При этом копии каждого блока сохраняются у всех участников сети на их вычислительных устройствах, а централизованное хранилище информации отсутствует.

Таким образом, система функционирует без наличия единого доверенного узла. Указанное порождает проблему открытости и безопасности при взаимодействии, которая решается с помощью пары публичный-приватный ключ⁵.

Поскольку все участники блокчейн-сети находятся в равных условиях, возникает вопрос о том, кто из них получает право первым добавить новый блок в цепочку, выполнив вычисления хеша и параметра nonce. Эта задача решается посредством проведения ресурсоемких вычислений каждым участником сети: тот, кто первым успешно завершит необходимые операции, получает возможность включить свой блок в блокчейн.

Следовательно, блокчейн можно охарактеризовать как совокупность алгоритмов, обеспечивающих создание надежной и устойчивой к подделкам децентрализованной сети либо системы защищенной передачи и хранения данных между равноправными субъектами.

Таким образом, блокчейн формирует основу для создания новых юридических механизмов, обеспечивающих автоматизацию,

⁵ Apodaca R. Six things Bitcoin users should know about private keys [Электронный ресурс]. — Bitzuma, 2017. — Режим доступа: <https://bitzuma.com/posts/six-things-bitcoin-users-should-know-about-private-keys/>, свободный.

прослеживаемость и безопасность сделок. Правовое осмысление данной технологии требует глубокого понимания ее технической природы и последующего внедрения специальных нормативных положений, регулирующих возникающие цифровые правоотношения. В перспективе, при соответствующей правовой доработке, блокчейн может стать опорным элементом цифровой трансформации правовой системы Узбекистана и других государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технология блокчейн открывает новые горизонты для развития права, обеспечивая безопасность, прозрачность и автоматизацию юридических процессов. Однако ее успешная интеграция в правовую систему требует нормативной адаптации, включая признание смарт-контрактов, разработку механизмов цифровой идентификации и юридическую квалификацию цифровых доказательств. Блокчейн способен стать основой цифровой трансформации не только экономики, но и правосудия, при условии своевременного и продуманного правового регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М.: Статут, 2016. — 640 с.
2. Khusanbaev O. The development of digital law in the era of modern technologies // Society and Innovations. — 2025. — Vol. 6, No. 3. — P. 42–48. — DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss3-pp42-48.

3. Apodaca R. Six things Bitcoin users should know about private keys [Электронный ресурс]. — Bitzuma, 2017. — Режим доступа: <https://bitzuma.com/posts/six-things-bitcoin-users-should-know-about-private-keys/>, свободный.

COMPARATIVE LEGAL FRAMEWORKS FOR THE COMPENSATION OF NON-MATERIAL HARM FROM CYBERATTACKS

Yorkinova Sangina

Master's student of Tashkent State University of Law

Abstract: *Cyberattacks frequently inflict not only financial losses but also significant non-material harm, including psychological distress, reputational damage, and loss of control over personal data. Legal frameworks across jurisdictions vary widely in how they recognize and compensate such intangible harm. This thesis provides a comparative analysis of how the European Union, the United Kingdom, the United States, and Japan address non-material damage resulting from cyber incidents. It finds that EU law explicitly allows compensation for non-material harm (for example, under data protection regulations), and recent court decisions have affirmed that even loss of data control or emotional upset can be compensable if actual and proven. In contrast, English courts have been more cautious, generally requiring proof of distress beyond a de minimis threshold before awarding damages for data breaches, although UK privacy torts have recognized loss of privacy itself as a head of damage in egregious cases. The U.S. legal approach remains the most restrictive – victims of cyberattacks often struggle to sue for purely emotional or reputational harm absent concrete financial injury, due to stringent standing and damage requirements, though some state laws now provide statutory damages for data breaches. Japan's system, influenced by civil law principles, acknowledges mental anguish from privacy violations as*

compensable even without economic loss, but awards are typically modest, reflecting a policy of recognition rather than punishment.

Keywords: *non-material harm, cyberattacks, civil liability, comparative law, psychological distress, reputational damage, data protection, digital rights, damage assessment, legal frameworks.*

Across all these jurisdictions, theoretical and practical challenges persist in defining, proving, and quantifying non-material harm. Intangible cyber harms are inherently subjective, making it difficult to delineate what level of anxiety or reputational hit constitutes a legal injury. Evidentiary hurdles are considerable: plaintiffs must demonstrate a causal link between the cyberattack and their psychological trauma or reputational setback, often relying on personal testimony or expert evidence. Quantification of non-material damage is perhaps the greatest challenge – unlike monetary loss, there is no objective market value for emotional suffering or diminished reputation. Courts have adopted various strategies, from nominal or symbolic damages to analogies with personal injury awards, but outcomes remain inconsistent. The comparative survey reveals a tension between the need to fully redress victims' intangible harms and the need to prevent speculative or trivial claims. In Europe and Japan, the trend is towards broader acknowledgment of cyber-induced emotional harm and loss of data autonomy, emphasizing the protection of individual rights. Anglo-American jurisprudence, however, exhibits more skepticism, often limiting recovery to cases of palpable suffering or clear wrongdoing. The result is a patchwork of legal responses: some jurisdictions offer victims of cyberattacks a pathway to recover for psychological distress and reputational harm, while others effectively shut the door unless

tangible damage is shown. This divergence raises profound questions about justice and deterrence in the digital age. Ultimately, the thesis highlights that while non-material harm from cyberattacks is increasingly recognized in theory, courts worldwide continue to grapple with its practical application. Achieving a coherent approach will require refining legal definitions of digital harm, developing better evidentiary standards for emotional and reputational injury, and perhaps embracing innovative solutions (such as statutory damages or settlement frameworks) to ensure that those harmed in cyberspace are not left without remedy. The ongoing evolution of comparative legal practice in this area underscores both the progress made and the work still needed to balance the rights of individuals against the realities of intangible cyber harms in civil litigation.

Beyond the challenges of proving and quantifying non-material harm, an important theoretical concern arises regarding the purpose of such compensation in civil law. Should the goal be to restore the victim to a pre-harm emotional state, deter future negligence, or symbolically affirm the importance of digital rights? Different legal cultures provide different answers. In jurisdictions with strong individual rights frameworks, such as Germany or Canada, the right to digital dignity and psychological security is often emphasized. This contrasts with the more utilitarian approach in U.S. law, where deterrence and economic efficiency dominate the rationale for civil liability. These foundational philosophical differences complicate efforts at harmonizing standards, especially in cross-border cyberattacks where multiple legal systems may claim jurisdiction.

One promising development in this area is the rise of interdisciplinary forensic methods for documenting digital trauma. Psychologists, digital forensic

analysts, and legal experts are beginning to collaborate in order to better measure the psychological and reputational consequences of cyberattacks. For instance, expert testimony is increasingly used in courts to contextualize anxiety, shame, or reputational loss arising from specific forms of cyber intrusion, such as doxxing, identity theft, or revenge porn. Courts that are receptive to this kind of evidence demonstrate a more modern understanding of the realities of digital harm, although such approaches remain underutilized. Moreover, as public awareness of data privacy and emotional integrity grows, courts and legislatures may be increasingly willing to adopt evidentiary presumptions that shift the burden onto defendants in egregious cases of data mismanagement or cyber negligence.

Lastly, the broader social implications of under-compensating non-material harm in cyber contexts should not be overlooked. In an environment where cyberattacks are rising in frequency and sophistication, the law's failure to provide meaningful redress may undermine public trust in both legal institutions and digital technologies. If victims feel that courts cannot acknowledge or address their suffering—especially when such harm involves humiliation, anxiety, or professional consequences—the legitimacy of the justice system may erode. Therefore, robust recognition of non-material harm is not merely a private matter but a structural necessity for preserving civil confidence in the digital rule of law. Developing comprehensive, predictable, and fair standards for compensating such harm remains a pressing objective for the global legal community.

References:

Citron, D. K., & Solove, D. J. (2018). Risk and anxiety: A theory of data-breach harms. *Texas Law Review*, 96(4), 737–786.

Lascelles, G. (2025, January 23). Liability for nonmaterial damage under the GDPR: Approaches of EU, UK courts. *IAPP News*.

MacLachlan, M. (2024, February 16). Class action liability following a data breach. *Shoosmiths LLP*.

Pardieck, A. (2023). Privacy matters: Data breach litigation in Japan. *Washington International Law Journal* (forthcoming). [SSRN Working Paper].

Pauly, D. (2024, July 5). Allegation of fear does not justify compensation – ECJ confirms case law on Art. 82 GDPR. *Linklaters*.

UK Supreme Court. (2021). *Lloyd v Google LLC* [2021] UKSC 50.

LEGAL ASPECTS AND PRACTICAL MECHANISMS FOR COMPENSATING HARM IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Mirkomilova Madinabonu Jakhongir qizi

Master student of Tashkent state university of law

Tashkent, Uzbekistan

mirkomilovamadinabonu@gmail.com

Abstract: *This thesis explores the legal framework and practical mechanisms for compensating harm incurred by patients within Uzbekistan's health-care system. Against a backdrop of ongoing health-care reforms, expanding private medical practice, and heightened consumer awareness, the study analyses statutory guarantees—primarily the Law “On the Protection of Citizens’ Health” and the Civil Code—that secure patients’ rights to bodily integrity, dignity, and full restitution. The research classifies types of harm (physical, psychological, moral, and pecuniary), distinguishes forms of fault (intent, negligence), and systematises medical errors (diagnostic, therapeutic, organisational, tactical, technical). Particular attention is given to evidentiary standards: establishing causation, expert medical opinions, and documentation requirements. Doctrinal analysis is complemented by case-law review to highlight judicial approaches to quantifying material losses and moral damages, as well as the emerging trend toward stricter liability for healthcare providers and institutions. The thesis also addresses novel challenges such as data-privacy breaches and “digital harm” resulting from electronic health-record failures. Based on comparative insights and empirical findings, the paper proposes refinements to Uzbekistan’s compensation procedures—emphasising transparency, patient-centred justice, and alignment with*

international best practices—to strengthen public trust and ensure effective redress.

Key words: *Patient rights; medical liability; damages compensation; medical error; expert evidence; moral harm; health-care law; Uzbekistan.*

**TIBBIY XIZMATLAR SOHASIDA YETKAZILGAN ZARARNI
QOPLASHNING HUQUQIY JIHATLARI VA AMALIY MEXANIZMLARI**

Mirkomilova Madinabonu Jaxongir qizi

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

Toshkent, O'zbekiston

mirkomilovamadinabonu@gmail.com

Annotatsiya: *Ushbu tezis O'zbekiston sog'liqni saqlash tizimidagi bemorlarga yetkazilgan zarar uchun kompensatsiya tartibini belgilovchi huquqiy baza va amaliy mexanizmlarni o'rganadi. Tizimli islohotlar, xususiyy tibbiyotning kengayishi hamda iste'molchilarning huquqiy ongining oshishi fonida tadqiqot "Aholining sog'lig'ini saqlash to'g'risida"gi Qonun va Fuqarolik kodeksining asosiy qoidalarini tahlil qiladi. Zararning turlari (jismoniy, psixologik, ma'naviy va mol-mulkka oid), ayb shakllari (qasd, ehtiyotsizlik) hamda tibbiy xatolar tasniflanadi (diagnostik, davolash, tashkiliy, taktik, texnik). Asosiy e'tibor sabab-oqibatlik aloqani, sud-tibbiy ekspertiza xulosalarini va hujjatlashtirish talablarini isbotlash masalalariga qaratilgan. Sud amaliyoti tahlili material va ma'naviy zararni baholash bo'yicha yondashuvlarni, shuningdek, tibbiy xodimlar va muassasalar zimmasidagi javobgarlikning kuchayib borayotgan tendensiyasini ko'rsatadi. Elektron tibbiy ma'lumotlarning sizib chiqishi natijasida yuzaga keladigan "raqamli zarar" kabi yangi chaqiriqlar ham o'rganiladi. Tadqiqot*

xalqaro tajriba va empirik dalillar asosida kompensatsiya jarayonini shaffoflik, bemor manfaatlarini ustuvorlik va adolat tamoyillariga muvofiq takomillashtirish bo'yicha tavsiyalar beradi.

Kalit so'zlar: *Bemor huquqlari; tibbiy javobgarlik; zarar kompensatsiyasi; tibbiy xato; ekspertiza dalillari; ma'naviy zarar; sog'liqni saqlash huquqi; O'zbekiston.*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УЩЕРБА В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Миркомилова Мадинабону Жахонгир кизи

магистрант Ташкентского

государственного юридического университета

Ташкент, Узбекистан

mirkomilovamadinabonu@gmail.com

Аннотация: *В настоящем тезисе исследуются правовые основы и практические механизмы возмещения ущерба, причинённого пациентам при оказании медицинских услуг в Республике Узбекистан. На фоне реформ здравоохранения, развития частной медицины и роста правовой грамотности населения анализируются законодательные гарантии— прежде всего Закон «Об охране здоровья граждан» и Гражданский кодекс— обеспечивающие права пациента на неприкосновенность личности, достоинство и полную компенсацию вреда. Работа классифицирует виды ущерба (физический, психический, моральный, имущественный), формы вины (умысел, неосторожность) и систематизирует медицинские ошибки (диагностические, лечебные, организационные, тактические, технические). Особое внимание уделяется доказательствам: установлению причинной связи, роли судебно-медицинских экспертиз и необходимости надлежащей*

медицинской документации. На основе анализа судебной практики выявлены подходы к определению размера материальных убытков и морального вреда, а также тенденция к ужесточению ответственности медработников и учреждений. Отдельно рассматриваются новые риски—утечки персональных данных и «цифровой ущерб» вследствие сбоев электронных систем. В заключение предлагаются меры по совершенствованию процедур компенсации, основанные на принципах прозрачности, приоритета прав пациента и гармонизации с международными стандартами, что призвано укрепить доверие общества к системе здравоохранения.

Ключевые слова: Права пациента; медицинская ответственность; возмещение ущерба; врачебная ошибка; экспертные доказательства; моральный вред; медицинское право; Узбекистан.

В условиях реформирования системы здравоохранения и активизации правовой защиты потребителей медицинских услуг, особое значение приобретает правовое регулирование вопросов, связанных с причинением ущерба пациентам в процессе оказания медицинской помощи. Проблема юридической ответственности за ущерб, причинённый в сфере медицинских услуг, становится особенно актуальной в контексте развития частной медицины, внедрения новых технологий лечения и повышения правовой грамотности населения.

Согласно статье 13 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», каждый гражданин имеет неотъемлемое право на охрану здоровья, а государство обязано обеспечивать защиту здоровья всех категорий населения независимо от пола, возраста, национальности и иных

признаков¹. Нарушение этого права влечёт за собой юридическую ответственность, в том числе обязанность возмещения причинённого ущерба, как это установлено в статье 46 данного Закона¹.

Под ущербом в сфере медицинских услуг следует понимать неблагоприятные последствия, наступившие в результате действия или бездействия медицинских работников или учреждений, нарушивших нормы закона, медицинские стандарты либо права пациента. Ущерб может быть, как физическим (телесные повреждения, ухудшение здоровья), так и моральным (психологические страдания, унижение достоинства), а также имущественным (расходы на лечение, реабилитацию, утрата трудоспособности).

Правовая наука и судебная практика в Республике Узбекистан традиционно классифицируют ущерб, причинённый в результате оказания медицинской помощи, по следующим основаниям:

1. По характеру последствий:

Физический ущерб – включает травмы, инвалидизацию, потерю функций органов, осложнения после медицинского вмешательства. Например, неправильно проведённая операция может привести к ухудшению состояния здоровья пациента.

Психический ущерб – выражается в нарушении психоэмоционального состояния пациента, например, в результате разглашения врачебной тайны, ошибки при постановке диагноза или излишнего страха перед вмешательством.

¹ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 13.

Моральный вред – связан с нарушением личных неимущественных прав пациента, таких как право на уважительное отношение, информированное согласие, защиту достоинства и личной жизни. Указанные права закреплены в статье 24 Закона².

Имущественный вред – это затраты на восстановление здоровья, покупку лекарств, оплату сторонней помощи, утрата дохода и других имущественных благ вследствие повреждения здоровья.

2. По субъективной стороне:

Умышленный ущерб, например, если медицинский работник сознательно допустил ошибку или отказал в помощи.

Ущерб по неосторожности, возникающий вследствие недобросовестного исполнения обязанностей (например, врачебная ошибка при диагностике).

3. По форме вины:

Согласно Гражданскому кодексу Республики Узбекистан, лицо, причинившее вред, несёт ответственность независимо от степени вины, если не докажет отсутствие вины⁴. Однако в медицинской практике, учитывая сложность профессиональной деятельности, вина врача может устанавливаться на основании экспертных заключений.

Медицинская ошибка – одна из наиболее часто встречающихся причин наступления ущерба в сфере оказания медицинских услуг. В юридической плоскости под медицинской ошибкой принято понимать неправомерные действия или бездействие медицинского работника,

² Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 24.

допущенные в процессе обследования, лечения или ухода за пациентом, повлекшие причинение ущерба жизни или здоровью пациента. В то же время важно разграничивать ошибки, возникшие вследствие объективных обстоятельств (например, редких патологий), и ошибки, обусловленные ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей.

Согласно статье 41 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», право на осуществление медицинской деятельности предоставляется лишь тем лицам, которые имеют надлежащее образование, квалификацию и проходят обязательную переподготовку³. Следовательно, допущение ошибки по причине недостаточной профессиональной подготовки или незнания клинических стандартов уже является нарушением закона и может повлечь ответственность.

В научной и судебной литературе различаются следующие основные типы медицинских ошибок:

Диагностическая ошибка – ошибочная или запоздалая постановка диагноза, вследствие чего пациент не получает адекватного лечения, а его состояние может ухудшиться. Статья 25 Закона прямо закрепляет право гражданина на получение информации о диагнозе, прогнозе и методах лечения⁴.

Лечебная ошибка – применение неправильных методов лечения, неверное дозирование лекарств или проведение противопоказанных процедур.

³ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 41.

⁴ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 25.

Организационная ошибка – обусловлена недостатками в организации медицинского процесса: несоблюдением стандартов оснащения, отсутствием дежурных специалистов, нарушением правил транспортировки больного.

Тактическая ошибка – неправильное решение о последовательности медицинских вмешательств (например, выбор некорректной схемы терапии).

Техническая ошибка – ошибка при выполнении манипуляции, операции (например, повреждение органа при хирургическом вмешательстве).

Важно отметить, что не всякое ухудшение здоровья пациента является основанием для привлечения медицинского работника к ответственности. Только в случае наличия следующих условий может идти речь о юридически значимом ущербе:

Наличие противоправного поведения (действие или бездействие);

Причинно-следственная связь между действиями медицинского персонала и наступившим ущербом;

Вина субъекта;

Наступление реального ущерба (имущественного, морального или физического).

Согласно статье 46 Закона «Об охране здоровья граждан», вред, причинённый жизни и здоровью граждан в процессе оказания медицинской помощи, подлежит возмещению в полном объёме⁵. При этом порядок и объём компенсации регулируется нормами гражданского законодательства.

⁵ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 46.

Практика судебных дел в Республике Узбекистан свидетельствует о сложностях в доказывании вины медицинского персонала, особенно в случаях смерти или инвалидизации пациента. В таких делах важнейшую роль играют заключения судебно-медицинских и иных экспертиз (ст. 39 Закона)⁶. Проблемы возникают, прежде всего, в части:

Определения причинной связи между действиями врача и наступившими последствиями;

Установления нарушений стандартов лечения;

Отсутствия надлежащей документации (медицинских карт, протоколов, выписок и т.д.).

В Узбекистане формируется тенденция усиления ответственности за врачебные ошибки, в том числе уголовной, дисциплинарной и гражданско-правовой. Это соответствует международной практике, в которой важнейшее значение придаётся обеспечению надлежащих условий оказания медицинской помощи и защите прав пациента.

Ущерб, причинённый пациенту в результате оказания медицинских услуг, может затрагивать не только его физическое здоровье, но и имущественные интересы, а также личную сферу – честь, достоинство, психоэмоциональное состояние. Законодательство Республики Узбекистан признаёт право граждан на защиту от такого ущерба и устанавливает правовые основания для его компенсации как в административном, так и в судебном порядке.

⁶ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 39.

Согласно статье 24 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», пациент имеет право на уважительное и гуманное отношение, на сохранение врачебной тайны и защиту своего личного достоинства⁷. Нарушение этих прав может повлечь моральный вред, даже в отсутствие физического ущерба. Например, разглашение диагноза пациента третьим лицам (вопреки статье 45 Закона) может стать основанием для взыскания компенсации морального вреда.

Моральный вред, как правило, выражается в:

Душевных страданиях, вызванных унижением чести и достоинства пациента;

Переживаниях, связанных с утратой доверия к медицинской системе;

Стрессах и психоэмоциональных последствиях в результате неэтичного поведения персонала.

Размер компенсации морального вреда не имеет фиксированной величины и устанавливается судом исходя из характера нарушения, глубины страданий, обстоятельств дела и степени вины виновного лица.

Имущественный вред представляет собой реальный ущерб, который пациент понёс вследствие неправомерных действий медицинского учреждения или специалиста. В соответствии с Гражданским кодексом Республики Узбекистан, такой вред подлежит возмещению в полном объёме, если доказано наличие вины причинителя.

Примеры имущественного вреда:

Расходы на повторное лечение, операции, лекарства, реабилитацию;

⁷ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 24.

Транспортные расходы;

Расходы на уход за больным;

Утрата заработка (в случае временной или стойкой потери трудоспособности);

Утрата кормильца (для членов семьи умершего пациента).

Особенность взыскания имущественного вреда состоит в необходимости представить суду доказательства понесённых расходов – в частности, чеки, квитанции, справки о доходах, медицинские заключения. В ряде случаев пациент также может требовать возмещения будущих убытков, если состояние его здоровья требует длительного лечения или постоянного ухода.

Ответственность за причинение ущерба в сфере медицинских услуг может нести как конкретный медицинский работник, так и медицинское учреждение (в том числе частное), а в некоторых случаях и государство как субъект, допустивший системное нарушение прав пациента. Например:

Врач – при установлении его личной вины (ошибка, халатность, превышение полномочий);

Учреждение – при наличии организационных нарушений (отсутствие лицензии, плохая материально-техническая база);

Государство – при неисполнении обязанностей по обеспечению доступной и качественной медицинской помощи.

Гражданин имеет право обратиться в суд с иском о взыскании морального и имущественного вреда.

Исковое заявление может быть подано:

Лично пострадавшим;

Законным представителем (например, родителем несовершеннолетнего пациента);

Прокуратурой – в случае массового или социально значимого нарушения.

В практике нередко встречаются случаи, когда суд взыскивает как материальные, так и моральные убытки, однако размер компенсации морального вреда остаётся, как правило, умеренным. Это объясняется необходимостью доказывания интенсивности страданий, что является субъективным и зависит от правовой культуры сторон.

Превышение допустимых рисков и ненадлежащее информирование пациента также могут выступать в качестве основания для привлечения к ответственности. Согласно статье 26 Закона Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», необходимым предварительным условием любого медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие пациента⁸. Отсутствие надлежащего информирования о возможных последствиях лечения или скрывание рисков нарушает право пациента на осознанный выбор, что влечёт ответственность за причинённый ущерб, даже если вмешательство само по себе было медицински оправданным.

В юридической практике особое внимание уделяется случаям причинения ущерба несовершеннолетним, лицам с инвалидностью и иным социально уязвимым категориям, которым по Закону предоставлены дополнительные гарантии защиты здоровья (статьи 19, 21, 22). Например,

⁸ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 26.

непредоставление реабилитационных услуг ребёнку-инвалиду или отказ в сопровождении родителя при лечении малолетнего может рассматриваться как нарушение закона и повлечь имущественные и моральные последствия.

Механизм компенсации ущерба в Узбекистане формируется на основе норм Гражданского кодекса Республики Узбекистан и специальных положений Закона «Об охране здоровья граждан». Согласно статье 46 указанного Закона, возмещение ущерба возможно в полном объёме, включая как фактический ущерб, так и будущие убытки и моральные страдания⁹. Особенность заключается в том, что медицинское учреждение может быть привлечено к ответственности независимо от формы собственности, если докажется факт нарушения стандартов оказания помощи.

Так, судебно-медицинская экспертиза (статья 39) играет решающую роль в установлении объёма ущерба и его причинной связи с действиями медицинских работников. Согласно судебной практике, заключения экспертизы являются основным доказательством в процессе иска о компенсации, особенно в сложных случаях, когда требуется разграничить допустимые медицинские риски от халатности или небрежности.

Индивидуализация подхода к возмещению ущерба также предполагает учёт:

Возраста и социального статуса пострадавшего;

Тяжести наступивших последствий;

Длительности и сложности лечения;

Утраты профессиональных навыков;

⁹ Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 46.

Наличия иждивенцев.

Отдельное значение в современном здравоохранении приобретают вопросы цифрового ущерба, причинённого вследствие утечки персональных медицинских данных, нарушения защиты электронных медицинских карт или автоматизированных систем. Такие случаи подпадают под нормы не только Закона «Об охране здоровья граждан» (статья 45 о врачебной тайне), но и законодательства о защите персональных данных.

Наконец, следует подчеркнуть, что государственные органы, включая Министерство здравоохранения и суды, обязаны обеспечить эффективный механизм защиты прав пациентов. Это включает как создание условий для независимой экспертизы, так и наличие ясных процедур для обращения в суд, уполномоченные органы или прокуратуру.

Таким образом, ущерб в сфере медицинских услуг представляет собой комплексное правовое явление, включающее множество форм (физическую, моральную, имущественную) и оснований (ошибки, халатность, нарушения прав пациента). Установленные законом нормы (в частности, статьи 13, 24, 25, 26 и 46 Закона) образуют правовой фундамент для реализации права на возмещение ущерба, что играет ключевую роль в защите потребителей медицинских услуг и укреплении доверия к системе здравоохранения в Республике Узбекистан.

В заключение проведённого анализа можно сделать вывод, что ущерб, причиняемый в сфере медицинских услуг, является многоаспектным явлением, охватывающим физические, психические, моральные и имущественные последствия для пациента. Законодательство Республики

Узбекистан, в частности Закон «Об охране здоровья граждан» и Гражданский кодекс, предусматривает комплексную правовую защиту пострадавших лиц, включая право на компенсацию как материального, так и нематериального ущерба. Юридическая ответственность за ущерб может возлагаться на медицинских работников, медицинские учреждения и, в отдельных случаях, на государство, если выявлены системные нарушения в организации медицинской помощи.

Особое значение приобретает необходимость надлежащего информирования пациента, соблюдение стандартов лечения и обеспечение профессиональной квалификации медицинского персонала, так как несоблюдение этих требований часто становится источником ущерба. Кроме того, судебно-медицинская экспертиза и документальное оформление медицинских процедур являются ключевыми элементами в процессе доказывания вины и размера ущерба. Совершенствование механизма возмещения ущерба в медицинской сфере должно основываться на принципах справедливости, прозрачности и приоритета прав пациента, что соответствует международным стандартам и способствует укреплению доверия к системе здравоохранения в Республике Узбекистан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон Республики Узбекистан «Об охране здоровья граждан», статья 13.
2. Civil Code of the Republic of Uzbekistan.
3. Khakimov R.A. Medical Law of Uzbekistan: Issues of Theory and Practice. – Tashkent: "Legal Literature", 2022. – 184 p.
4. Constitution of the Republic of Uzbekistan.
5. Law of the Republic of Uzbekistan “On Public Health”.
6. Law of the Republic of Uzbekistan “On Medical Activity”.
7. Law of the Republic of Uzbekistan “On Consumer Rights Protection”.
8. International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 1966).
9. World Medical Association. Declaration on the Rights of the Patient, 2005.
10. Convention on Human Rights and Biomedicine (Oviedo Convention), 1997.

**MUALLIFLIK HUQUQI VA SUN'IY INTELLEKT: O'ZBEKISTON
HUQUQIY TIZIMI UCHUN YANGI CHAQIRIQLAR**

Ergashova Shahrizoda

Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

Annotatsiya: ushbu tezisdagi sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan mahsulotlarning huquqiy maqomi, xususan mualliflik huquqi doirasida tartibga solinishi muammosi yoritiladi. Amaldagi qonunchilik bilan SI mahsulotlari o'rtasidagi tafovutlar tahlil qilinib, ularni sui generis huquqiy rejim orqali tartibga solish zarurligi asoslanadi. Shuningdek, inson ishtiroki mezoni, tijorat huquqlari va reestr joriy etish kabi yondashuvlar taklif qilinadi.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, sun'iy intellekt, mualliflik huquqi, sui generis, inson ishtiroki, ijodiy obyekt, huquqiy maqom.

**АВТОРСКОЕ ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЕ
ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

Эргашова Шахризода

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация: в данной тезисной работе рассматривается правовой статус продуктов, созданных с помощью искусственного интеллекта, в частности, в контексте авторского права. Анализируются расхождения между действующим законодательством и объектами, созданными ИИ, обосновывается необходимость внедрения sui generis правового режима.

Также предлагаются подходы, включая критерий участия человека, коммерческие права и создание специального реестра.

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, авторское право, sui generis, участие человека, творческий объект, правовой статус.*

COPYRIGHT AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW CHALLENGES FOR THE LEGAL SYSTEM OF UZBEKISTAN

Ergashova Shakhriyoda

Master's student of Tashkent State University of Law

***Abstract:** this thesis explores the legal status of products generated by artificial intelligence, particularly within the framework of copyright law. It analyzes the gap between current legislation and AI-generated content, arguing for the adoption of a sui generis legal regime. The study also proposes approaches such as the human involvement criterion, regulation of commercial rights, and the establishment of a specialized registry.*

***Keywords:** artificial intelligence, copyright, sui generis, human involvement, creative work, legal status*

KIRISH

So'nggi yillarda sun'iy intellekt (SI) texnologiyalarining keskin rivojlanishi nafaqat texnik, balki huquqiy sohalarda ham tub o'zgarishlarni keltirib chiqarmoqda. Xususan, SI tomonidan mustaqil ravishda yaratilayotgan matn, tasvir, kod, musiqa yoki boshqa ijodiy obyektlarning soni ortgani sari ularning muallifi kim bo'lishi kerakligi, ularning huquqiy maqomi qanday belgilanishi,

ulardan tijorat maqsadida qanday foydalanish mumkinligi kabi savollar tobora dolzarb tus olmoqda. Bu masalalar, ayniqsa, mualliflik huquqi tizimi bilan to'qnash kelganida, jiddiy nazariy va amaliy muammolarni yuzaga chiqaradi. O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida mualliflik huquqi faqat inson tomonidan yaratilgan asarlarga tatbiq etilishi mumkin. Biroq hozirgi texnologik voqelikda bu yondashuv yetarli emasligi ayon bo'lib qolmoqda. Sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan kontentlar real iqtisodiy muomalaga kirib kelgan, ularni ishlab chiqarayotgan kompaniyalar esa ularning egalik huquqini da'vo qilmoqda. Mazkur vaziyat mavjud huquqiy normalar va real amaliyot o'rtasida tafovut paydo bo'layotganini anglatadi. Shu sababli, O'zbekiston huquqiy tizimi ushbu yangi texnologik muhitga moslashishi, mavjud bo'shliqlarni bartaraf etuvchi huquqiy mexanizmlarni ishlab chiqishi lozim.

Tadqiqot maqsadi va asosiy muammosi

Mazkur tadqiqotning bosh maqsadi - sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan mahsulotlar ustidan huquqiy egalik va mualliflik huquqining kimga tegishli ekanini aniqlash orqali O'zbekiston Respublikasi qonunchiligidagi mavjud bo'shliqlarni tahlil qilish hamda ularni bartaraf etishga doir konseptual va normativ takliflar ishlab chiqishdan iboratdir. Ayniqsa, inson ishtirokisiz avtomatik tarzda yaratilgan matn, tasvir, musiqa, algoritmik kod va boshqa ijodiy obyektlarning "asarlik" maqomiga egaligi va ular ustidan mualliflik huquqini kim amalga oshirishi kerakligi asosiy ilmiy muammo sifatida ko'rilmogda.

Sun'iy intellekt vositasida yaratilgan kontentlar inson ijodidan farqli o'laroq, huquqiy subyekt bo'lmagan tizim tomonidan yuzaga keladi. Bu esa mavjud "Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to'g'risida"gi Qonunda ko'zda tutilgan

klassik yondashuvlarga zid keladi. Shu sababli asosiy muammo -mavjud qonunchilikning texnologik voqelik bilan uyg'unlashmaganidir. Bu esa quyidagi savollarni o'rtaga chiqaradi: Sun'iy intellekt mahsuloti "asarlik" mezoniga javob beradimi? Undan foyda ko'radigan shaxs (dasturchi, foydalanuvchi yoki buyurtmachi) qanday huquqiy maqomga ega bo'ladi? Bu munosabatlarni sui generis (o'ziga xos) huquqiy rejim orqali tartibga solish mumkinmi?

Tadqiqot ana shu masalalarga yechim izlash bilan birga, sun'iy intellekt mahsulotlariga nisbatan milliy qonunchilikda aniqlik, huquqiy barqarorlik va iqtisodiy huquqlarni muhofaza qiluvchi mexanizmlarni ishlab chiqish zarurligini asoslashni maqsad qilgan.

Asosiy ilmiy yondashuvlar va taklif etilgan qarashlar

Sun'iy intellekt tomonidan yaratilgan mahsulotlarga nisbatan huquqiy munosabatlarni belgilashda mavjud mualliflik huquqi tizimi yetarli asos bo'la olmayapti. Bu esa mutlaqo yangi yondashuvlarni ishlab chiqishni taqozo etmoqda. Tadqiqot davomida quyidagi nazariy va amaliy jihatlar asosiy nuqta sifatida ilgari surildi:

Birinchidan, mualliflik huquqining klassik modeli faqat insoniy ijodga asoslangan bo'lib, sun'iy intellekt kabi huquqiy subyekt bo'lmagan tizimlar bu doiraga sig'maydi. Shu sababli, AI mahsulotlarini mualliflik huquqi tizimiga majburan kiritish o'rniga, ular uchun alohida -sui generis (o'ziga xos) huquqiy rejim joriy etish eng maqbul yechim sifatida qaralmoqda. Bunday rejimda AI mahsulotlariga nisbatan "foydalanish huquqi"ni belgilovchi, lekin mualliflik maqomini bermaydigan yondashuv ishlab chiqilishi mumkin.

Ikkinchidan, “inson ishtiroki mezon” konsepsiyasi mualliflik huquqini belgilashda asosiy kriteriy sifatida ko‘rilmoqda. Ya’ni, agar inson sun’iy intellekt faoliyatini faqat texnik emas, balki ijodiy, kontseptual darajada boshqargan bo‘lsa, bu mahsulot mualliflik huquqi obyektiga aylanishi mumkin. Aks holda, to‘liq avtomatik tarzda yaratilgan mahsulotlar sui generis tartibga solinishi lozim.

Uchinchidan, huquqiy aniqlik va shaffoflikni ta’minlash maqsadida, O‘zbekiston huquqiy tizimida sun’iy intellekt mahsulotlari uchun alohida elektron reestr joriy etilishi taklif qilinmoqda. Bu reestr orqali mahsulot yaratuvchisi, ishlatilgan model, sanasi, texnik xususiyatlari kabi ma’lumotlar qayd etiladi. Bunday tizim kelajakdagi huquqiy nizolar va egalik da’volarining oldini oladi.

To‘rtinchidan, sun’iy intellekt mahsulotlari ustidan iqtisodiy huquqlarni, ayniqsa tijorat maqsadida foydalanish tartibini belgilovchi normalar ishlab chiqilishi kerak. Bu borada litsenziyalash, foydalanish muddati, hududi va turiga qarab huquqlarni cheklash mumkin bo‘ladi.

Yuqoridagi yondashuvlar asosida ishlab chiqilgan qarashlar milliy qonunchilikni texnologik voqelik bilan uyg‘unlashtirish, investor va ishlab chiqaruvchilarga huquqiy kafolat yaratish va AI sohasidagi innovatsiyalarni rag‘batlantirishga xizmat qiladi.

XULOSA

Tahlillar shuni ko‘rsatmoqdaki, sun’iy intellekt tomonidan yaratilgan mahsulotlar nafaqat texnologik, balki huquqiy maydon uchun ham yangi davrni boshlab berdi. Mualliflik huquqi tizimi an’anaviy ravishda inson ijodiga asoslangan bo‘lsa-da, hozirgi kunda SI vositasida mustaqil ravishda yaratilayotgan

asarlari, tasvirlari, matnlari, hatto kodlari huquqiy muomalaga faol kirib bormoqda. Bu esa mualliflik huquqining nazariy asoslarini va amaliy mexanizmlarini tubdan qayta ko'rib chiqishni talab qiladi.

O'zbekiston Respublikasi qonunchiligi doirasida bu sohadagi eng katta muammo - "inson ishtirokisiz" yaratilgan mahsulotlar uchun huquqiy maqomning mavjud emasligidir. Bu esa AI mahsulotlarining egalik huquqi, ulardan tijoratda foydalanish, ularni ro'yxatdan o'tkazish va huquqiy himoya mexanizmlarini aniqlashda chalkashliklarga olib kelmoqda. Xususan, AI mahsulotlari ustidan intellektual mulk huquqini talab qilishda muallif kim -dasturchimi, buyurtmachimi, foydalanuvchimi yoki sun'iy intellekt tizimi yaratuvchisimikan -degan savol ochiq qolmoqda.

Shu bois, ushbu tadqiqotda ilgari surilgan asosiy xulosalardan biri shuki, AI mahsulotlari uchun mavjud mualliflik huquqi tizimi yetarli emas va ular uchun alohida -sui generis huquqiy rejim joriy etilishi lozim. Bu rejim AI mahsulotlariga an'anaviy mualliflik maqomini bermasdan, ulardan foydalanish, egalik qilish va tijorat huquqlarini maxsus qonunchilik orqali belgilashga imkon beradi. Aynan shu yondashuv orqali bir vaqtning o'zida texnologik taraqqiyot va huquqiy barqarorlik o'rtasida muvozanat saqlab qolinadi. Shuningdek, "inson ishtiroki mezonini" tushunchasi qonunchilik darajasida mustahkamlanishi kerak. Bu orqali haqiqiy ijodiy nazorat mavjud bo'lgan hollarda mualliflik huquqi berilishi, sun'iy intellekt to'liq mustaqil ijod qilgan vaziyatlarda esa boshqa huquqiy rejim qo'llanilishi mumkin bo'ladi. Bundan tashqari, yagona elektron reestr joriy etish, tijoratda foydalanish tartibini huquqiy jihatdan belgilash va mutaxassislar ishtirokida

normativ-huquqiy hujjatlar ishlab chiqish O'zbekiston huquqiy tizimining zamon bilan hamqadam bo'lishiga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, sun'iy intellekt davrida mualliflik huquqi nafaqat texnik, balki g'oyaviy, huquqiy va falsafiy jihatdan qayta talqin etilishi kerak. O'zbekiston bu borada o'ziga xos va ehtiyotkorlik bilan harakat qilgan holda, zamonaviy huquqiy muhitni yaratish, raqamli suverenitetni mustahkamlash va innovatsion iqtisodiyotni rivojlantirish yo'lida muhim huquqiy poydevor qurishi mumkin.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. O'zbekiston Respublikasining "Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to'g'risida"gi Qonuni. (1996-yil 20-iyul, O'RQ-257-son, oxirgi o'zgartirishlar bilan).
2. O'zbekiston Respublikasining "Sun'iy intellektni 2030-yilgacha rivojlantirish strategiyasi to'g'risida"gi Prezident qarori. (2021-yil 17-avgust, PQ-5197-son).
3. European Commission. (2021). Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). COM(2021) 206 final.
4. World Intellectual Property Organization (WIPO). (2020). Intellectual Property and Artificial Intelligence: A Discussion Paper.

5. Abbott, R. (2020). *The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge University Press.
6. Gervais, D. (2022). "AI and Copyright: Updating the Database Right." *Journal of Intellectual Property Law*, 29(1), 43–76.
7. Samuelson, P. (2017). "Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works." *University of Pittsburgh Law Review*, 47(6), 1185–1239.
8. McCutcheon, J. (2021). "Authorship and Artificial Intelligence in Copyright Law." *Intellectual Property Quarterly*, No. 3, 204–229.
9. Surden, H. (2019). "Artificial Intelligence and Law: An Overview." *Georgia State University Law Review*, 35(4), 1305–1339.
10. Bygrave, L. A. (2014). *Intellectual Property and Information Technology*. Oxford University Press.

THE ROLE OF THE WORLD HEALTH ORGANIZATION (WHO) IN HEALTH PROTECTION DURING THE PANDEMIC

Zebiniso Alisherovna Amonova

Master's student at Tashkent State University of Law

e-mail: zebinisoamonova1206@gmail.com

Abstract: *the COVID-19 pandemic revealed major gaps in global health governance and highlighted the need for stronger legal tools to manage public health crises. The 2025 WHO Pandemic Agreement represents a key step toward improving international coordination, equitable access to health resources, and legal preparedness. It introduces binding obligations on prevention, preparedness, and response, while addressing issues like sovereignty, funding, and fair distribution. Its phased implementation aims to reshape global health governance by 2035.*

Keywords: *WHO, Pandemic Agreement, international health law, global health governance, COVID-19, IHR, preparedness, equity, legal reform.*

INTRODUCTION

The World Health Organization (WHO) plays a critical role in safeguarding global health, especially during pandemics. As the leading international body responsible for coordinating public health efforts, WHO provides guidance, sets global standards, and supports countries in preventing, detecting, and responding to health emergencies. During pandemics, WHO's leadership is vital in facilitating information sharing, coordinating international responses, and ensuring equitable access to vaccines, treatments, and essential medical supplies.

The following methods were employed in this study:

- *Analysis of International and National Legislation.*

Examination of legal frameworks regulating the protection of the right to health at universal and regional levels, including international conventions, WHO guidelines, and national regulations.

- *Comparative Legal Analysis.* Comparison of different legal mechanisms and practices applied across various regions (e.g., European Union, African Union, ASEAN) and their alignment with international standards.

- *Document and Content Analysis.* Review of official documents, WHO reports, and publications from regional organizations and states regarding measures taken during the pandemic.

- *Expert Interviews and Surveys.* Collection of opinions and recommendations from specialists in international law, public health, and human rights.

- *Case Studies.* Examination of successful and problematic examples of implementing health rights protection mechanisms during the pandemic.

- *Legal Monitoring and Effectiveness Evaluation.* Assessment of the practical enforcement of legal acts and their impact on ensuring the right to health.

RESEARCH RESULTS

On 11 March 2020, the World Health Organization (WHO) officially declared COVID-19 a pandemic, marking a significant moment in global public health. By that date, the virus had rapidly spread to more than 200 countries and territories, with over 150,000 confirmed cases worldwide. Although the WHO does not provide a formal legal definition of the term “pandemic”, scientific and medical communities generally describe it as the most severe phase of an

epidemic, characterized by widespread and rapid transmission of a disease across multiple countries or continents, impacting large portions of the population. This declaration highlighted the urgent need for coordinated international response and mobilization to control the spread and mitigate the impacts of the virus [1].

The law plays a crucial role under these conditions, providing a framework to ensure effective healthcare systems, coordinate international efforts, and protect public health. Legal mechanisms are essential not only during the crisis but also in post-pandemic recovery and in strategies to prevent future global threats.

Epidemics have been part of human history for millennia. The term “epidemic” first appeared in Hippocrates’ works, where he described diseases resembling erysipelas. The ancient historian Thucydides recounted the Plague of Athens (430 BCE), which lasted about five years and claimed nearly a quarter of the city's population [2]. Later, the Black Death devastated Europe (1347–1351), and the Russian flu pandemic (1889–1890) resulted in over a million deaths. The 1918 Spanish flu remains the deadliest pandemic in modern history, with estimates ranging from 17 to 100 million deaths. Recent studies suggest that the Russian flu might have been caused by a coronavirus related to SARS-CoV-2, supported by symptoms such as loss of smell and severe pneumonia [3].

These historical examples highlight the unpredictable and severe threat posed by infectious diseases despite scientific advances, underscoring the growing importance of global biological security.

Effective legal regulation at both international and national levels is critical in combating epidemics and pandemics. The COVID-19 crisis revealed

shortcomings in many countries' legal frameworks, emphasizing the need for revision and adaptation.

More than 200 international organizations and NGOs work in global health, with the WHO coordinating efforts within the UN system. International cooperation has deep roots: Venice enacted the first plague control laws in 1348. The International Sanitary Conference in Paris (1851) and the subsequent 1852 International Sanitary Convention marked early efforts at collaboration, though they failed to sustain long-term cooperation.

The 1903 Eleventh International Sanitary Conference in Paris established science-based cooperation principles, systematizing prior rules into the 1903 International Sanitary Convention [4]. This paved the way for the 1907 Rome agreement creating the International Office of Public Hygiene (IOPH), the first international health organization. Though the IOPH contributed to legal development, it faced criticism for limited practical activity, never dispatching missions to countries in need during its 40-year existence [5].

Other early 20th-century organizations, including the League of Nations Health Organization and the Pan American Sanitary Bureau, contributed to global health but eventually transferred functions to the WHO.

Founded in 1948, the WHO became the central body coordinating global health efforts. Its work is guided by the International Health Regulations (IHR), legally binding rules for responding to global health threats [6]. The WHO sets international health standards, advises governments, updates the IHR, and coordinates responses during Public Health Emergencies of International Concern (PHEIC).

Since the 21st century, the frequency of major health emergencies has increased, demanding improved risk assessment and management. WHO's timely PHEIC declarations facilitate swift coordination, resource mobilization, and vaccine development [7]. Nevertheless, sustainable funding remains a challenge, especially post-COVID-19, highlighting governance as a priority.

The COVID-19 pandemic severely tested global health systems, exposing their vulnerabilities. Its rapid spread, high mortality, and economic damage revealed urgent needs for timely information, social stability, preventive action, emergency medical capacity, and coordinated international programs. Flexible and diverse public health strategies are essential.

The World Health Organization (WHO) faced criticism for a slow response during the 2014–2016 Ebola outbreak due to funding and personnel shortages and management inefficiencies. Similar challenges arose during COVID-19, with many countries lacking alternative strategies, hindering timely coordinated action.

The pandemic emphasized strengthening IHR components such as surveillance, laboratory infrastructure, and emergency management, with investments improving preparedness for future threats [8]. Experts advocate for WHO reforms, including revising its constitution and empowering the Director-General to make faster crisis decisions. Consensus among member states during PHEIC declarations is critical to ensure transparent and fair responses. World Health Organization (WHO) should continue coordinating global efforts with an emphasis on building national capacities.

Emergency laws must respect democratic principles including necessity, proportionality, and temporariness, as advised by the Venice Commission.

On 20 May 2025, the WHO adopted the Pandemic Accord, establishing a new global legal framework. As the second instrument under Article 19 of the WHO Constitution (after the 2003 Tobacco Control Convention), the Accord responds to COVID-19's revealed gaps and inequalities following three years of negotiations.

The Pandemic Agreement aims to improve global cooperation in pandemic prevention and response, addressing issues such as unequal vaccine access, weak coordination, and ineffective early-warning systems [10]. It emphasizes fairness by promoting equal access to medical resources and transparent decision-making. The WHO will lead coordination efforts, supported by regional centers and expert networks [9].

Key measures include enhanced surveillance, early-warning, laboratory capacity, and pandemic financing. The Agreement introduces mechanisms for sharing pathogens and research benefits, expands regional vaccine production, and accelerates drug approvals.

Countries commit to improving preparedness, sharing outbreak data promptly, and supporting joint international responses.

A monitoring system requires countries to report on implementation progress, with external evaluations assessing effectiveness. The document has, however, sparked debate, with concerns over potential sovereignty limits, funding burdens, equitable cost-sharing, and challenges faced by resource-limited countries.

Implementation will consider regional contexts. In Europe, for example, it will align with existing EU mechanisms and national health systems.

Overall, the Agreement transforms global health governance by enhancing WHO's authority, expanding cooperation with private sectors and NGOs, and establishing new governance bodies to improve coordination.

Implementation follows a phased approach: phase one (2025–2027) focuses on ratification and institutional development; phase two (2027–2030) activates mechanisms and strengthens national systems; phase three (2030–2035) aims for sustainable preparedness for future pandemics.

PROPOSED LEGAL MEASURES

The following normative and legal improvements related to the role of the World Health Organization (WHO) are recommended:

1. Strengthening International Legal Frameworks. Enhance and update existing international health laws, such as the International Health Regulations (IHR), to ensure they effectively address current and future pandemic challenges.

2. Binding Commitments for Pandemic Preparedness. Introduce legally binding obligations for countries to improve prevention, preparedness, and rapid response capabilities, including timely sharing of information and resources.

3. Ensuring Equitable Access to Health Resources. Establish clear legal provisions that guarantee fair and equal access to vaccines, medicines, and medical equipment for all countries, regardless of their economic status.

4. Improving Global Coordination and Governance. Empower the World Health Organization (WHO) with stronger legal authority to coordinate international responses and monitor compliance during health emergencies.

5. Protecting Human Rights During Emergencies. Develop legal safeguards that balance public health measures with respect for fundamental human rights, ensuring that emergency actions are necessary, proportional, and temporary.

6. Establishing Transparent Funding Mechanisms. Create legal frameworks for sustainable and transparent funding of pandemic preparedness and response activities, ensuring adequate resources are available when needed.

7. Promoting Regional Collaboration. Encourage regional organizations to adopt harmonized legal standards and protocols to support cross-border cooperation in health crisis management.

CONCLUSION

The COVID-19 pandemic clearly showed that health systems and laws around the world were not fully prepared to handle a crisis of this scale. Many countries faced difficulties in coordinating responses, sharing resources, and protecting their populations effectively. The new World Health Organization (WHO) Pandemic Agreement, adopted in 2025, is a crucial step toward addressing these challenges. It sets clear and binding rules that encourage countries to work closely together, share vaccines, medicines, and information fairly, and improve their readiness for future pandemics.

By implementing this agreement step-by-step through 2035, the world can build stronger health systems and respond faster to emergencies. However, for

these improvements to succeed, every country must actively participate, cooperate, and support each other in this global effort.

REFERENCES

1. Fidler, D.P. (2021). The Globalization of Public Health: The First 100 Years of International Health Diplomacy. Bulletin of the World Health Organization, 79(9), pp. 842–849.
2. Howard-Jones, N. & World Health Organization. (1981). The Pan American Health Organization: Origins and Evolution. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/39250>.
3. Карабаев, Б. (2022). Межгосударственные механизмы реагирования на угрозы санитарной безопасности в странах СНГ и ЕАЭС: институциональные аспекты и проблемы эффективности. Вестник Евразийского научного центра права и безопасности, № 2(18), с. 45-52.
4. Комиссар Совета Европы по правам человека. (2020). COVID-19 pandemic: urgent steps are needed to protect the rights of prisoners in Europe.
5. RIA Novosti. (2022). Seven PHEIC declarations in WHO history.
6. Solovejute, R. and Gatherer, D. (2020). Hunting for Previous Coronavirus Pandemics Using Corpus Linguistic Analysis of 19th Century British Newspapers. Preprints, 2020, 2020120817.
7. Venice Commission. (2020). Respect for Democracy, Human Rights and the Rule of Law during States of Emergency–Reflections.
8. Всемирная организация здравоохранения. (2005). Международные медико-санитарные правила (2005).

9. Всемирная организация здравоохранения. (2014). International Sanitary Conferences, 1851–1938: The Birth of International Health Diplomacy.
10. Всемирная организация здравоохранения. (2020). Key Events in the WHO Response to the Ebola Outbreak.
11. Всемирная организация здравоохранения. (2022). Доклад Рабочей группы по устойчивому финансированию.
12. Всемирная организация здравоохранения. (2025). Pandemic Agreement Adopted at the Seventy-eighth World Health Assembly.
13. Всемирная организация здравоохранения. (2025). Progress on International Health Regulations Core Capacities in the Western Pacific Region.
14. Фукидид. История / Изд. подготовили Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. - Л.: Наука, 1981. – 534 с

**KOMPYUTER DASTURLARIGA BO'LGAN INTELLEKTUAL
MULK HUQUQI HIMOYASINI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI**

Otabayev Usmonbek

Toshkent davlat yuridik universiteti magistri

Ta'kidlash joizki, kompyuter dasturlari mualliflik huquqi bilan himoyalaniishi xalqaro miqyosda tan olingan tamoyildir. TRIPS Bitimining 10.1-moddasi va Butunjahon mualliflik huquqi to'g'risidagi shartnomaning 4-moddasiga ko'ra, dasturlar – matnli yoki obyekt kod shaklida bo'lishidan qat'iy nazar – adabiy asarlar sifatida mualliflik huquqiga ega obyektidir. Shunday ekan, dasturiy mahsulotning turli platformalarga moslashtirilgan variantlari (masalan, “porting” qilingani), uning yangilangan va takomillashtirilgan versiyalari yoki lokalizatsiya (boshqa tilga tarjima qilinishi) kabi holatlar asl asardan kelib chiqqan hosila asarlar sifatida qaraladi va ularni yaratish faqat huquq egasining ruxsati bilan amalga oshirilishi mumkin. Berne konvensiyasining 12-moddasida mualliflarga o'z asarlarini moslashtirish va ishlov berish (adaptatsiya va aranjirovka) bo'yicha mustaqil huquq berilgan. Shu sababli, dastur kodini o'zgartirib, uni yangi muhitga moslashtirish ham muallifning alohida huquqi hisoblanadi.

Ba'zi hollarda dastur muallifi yoki huquq egasi o'zi moslashtirish huquqini berishi mumkin (masalan, ochiq manbali dasturlar litsenziyalarida yangi platformalarga ko'chirishga ruxsat beriladi). Biroq ko'plab yopiq dasturlar uchun bunday ruxsat mavjud emas. Amaliyotda dasturlarni yangi tizimga moslashtirish uchun muhandislar ko'pincha uning ichki tuzilishini tahlil qilishadi – ya'ni teskari muhandislik o'tkazishadi. Bu esa odatda litsenziya shartnomalarida taqiqlanadi va mualliflik huquqi qoidalarini buzishi mumkin.

Yangi texnologiyalar paydo bo'lganda, bozor talabi yuqori dasturlarni tezkorlik bilan moslashtirishga ulgura olmagan asl ishlab chiquvchilarning mahsulotlari o'rniga boshqa shaxslar "muqobil" yaratishga urinishi mumkin. Bunda ba'zan asl koddan ruxsatsiz foydalanish yoki g'oyani to'laligicha ko'chirib olish holatlari uchraydi. Dastur g'oyasi o'zida mualliflik huquqi obyekti bo'lmasda (g'oyalar erkin hudud hisoblanadi), uning dasturiy yechimi va kodi himoyalangan bo'ladi. Masalan, Android operatsion tizimi ommalashgan ilk yillarda iOS (Apple) platformasidagi bir qator muvaffaqiyatli ilovalar Androidga mualliflarisiz ko'chirilgan holatlar kuzatilgan. Ya'ni, mustaqil dasturchilar mashhur o'yin va ilovalarni klonlab, boshqa ekotizimda tarqatgan. Bunday plagiat xatti-harakatlar mualliflik huquqini buzish sifatida qaraladi. Amalda huquq egalari bunday klonlarga qarshi kurashish uchun Google kabi do'konlarga shikoyat yuborib, ilovani o'chirish choralari ko'radi. Bu misollar shuni ko'rsatadiki, texnologiya o'zgarishi davrida dastur egalarining manfaatlarini himoya qilish yetarlicha kuchli bo'lmasa, ularning bozor ulushi va obro'sini begona shaxslar egallab olishi ehtimoli yuqori.

Patent va yangi texnologiyalar: Ba'zan dasturiy mahsulotlar yoki ularning ayrim funksiyalari patent bilan ham himoyalangan bo'lishi mumkin (ayniqsa, AQSh singari yurisdiksiyalarda dasturiy ixtirolarga patent beriladi). Yangi texnologiyaga moslashtirishda shu patentlar muhokamaga sabab bo'ladi. Masalan, Oracle vs. Google ishida Google kompaniyasi Android tizimini yaratishda Oracle'ning Java platformasidagi API-lardan foydalangan edi. Oracle bunga norozilik bildirib, mualliflik huquqi buzilganini da'vo qildi (API strukturasini ko'chirish masalasi). Ushbu uzoq davom etgan jarayonda dastlab Google yutgan

bo'lsa-da, keyin apellyatsiya Oracle foydasiga hal bo'ldi, nihoyat 2021 yilda AQSh Oliy sudi Google foydasiga nihoyat hal etdi va APIlarning mo'tadil ko'chirilishini adolatli foydalanish (fair use) doirasida deb topdi. Bu holat shuni ko'rsatadiki, yangi platforma uchun dasturiy interfeyslarni moslashtirish murakkab huquqiy masala bo'lib, sudlar tomonidan turlicha talqin qilinmoqda. O'zbekiston kontekstida dasturiy ixtirolar (algoritmlar, matematik usullar) uchun patent berilmasligi sababli, asosan mualliflik huquqiga oid masalalar muhokama qilinadi.

Yangi texnologiyalardagi dastur yaratuvchilarning huquqlari: Agar dastur sun'iy intellekt bilan integratsiya qilinsa yoki IoT qurilmasining bir qismi bo'lsa, uni himoya qilishga doir qo'shimcha ehtiyojlar tug'iladi. Masalan, sun'iy intellekt yaratgan dasturiy kodga kim egalik qiladi? Hozircha aksar yurisdiksiyalarda mualliflik huquqi faqat inson ijodiga beriladi, sun'iy intellektning "ijodiy mahsuloti" esa noaniq maqomda. Biroq, sun'iy intellekt asistanlari yordamida yaratilgan dasturlar ko'paymoqda va ularni ro'yxatdan o'tkazishda yangi yondashuvlar zarur bo'lishi mumkin. UNESCO kabi tashkilotlar generativ sun'iy intellekt davrida mualliflik huquqini qo'llash bo'yicha mutaxassislarni jalb qilib, sudyalarning malakasini oshirishga qaratilgan dasturlarni yo'lga qo'ymoqda. Bu yangi masalalar ham dasturchilar huquqlarini himoya qilish zaruriyatini kun tartibiga olib chiqmoqda.

O'zbekiston huquqiy amaliyotida kompyuter dasturlarini himoya qilish ilgari asosan mualliflik huquqi doirasida ko'rib chiqilgan. Kompyuter dasturi "adabiy asar" sifatida e'tirof etiladi va muallifga tegishli barcha huquqlar, jumladan, asl nusxani ko'paytirish, tarqatish, ommaga namoyish qilish va boshqa huquqlar beriladi. 2022 yilda Intellektual mulk agentligi tomonidan e'lon qilingan

statistik ma'lumotlarga ko'ra, so'nggi yillarda dasturiy mahsulotlarni ixtiyoriy ro'yxatdan o'tkazish holatlari ko'paygan. Ma'lumki, mualliflik huquqi asar yaratilishi bilan avtomatik ravishda vujudga keladi va ro'yxatdan o'tkazish shart emas. Biroq, sudda da'vo ko'tarilganda mualliflikni tasdiqlashni osonlashtirish uchun ko'plab mualliflar o'z dasturlarini Adliya vazirligida deponent sifatida ro'yxatdan o'tkazadi. Vazirlik bunday asarlarning nusxasini qabul qilib, maxsus reyestrda kiritadi va guvohnoma beradi. Bu kelajakda dastur biror kishining huquqini buzganlikda ayblansa, uning kim tomonidan va qachon yaratilganini isbotlashga yordam beradi.

Xalqaro tashkilotlar pozitsiyasi ham yangi texnologiyalar davrida dasturlar himoyasini kuchaytirish zarurligini tasdiqlaydi. Butunjaxon Intellektual Mulk tashkilotining "Frontier technologies and IP" (Olg'a texnologiyalar va IP) deb nomlangan dasturi doirasida sun'iy intellekt, big data, nesnalar interneti kabi sohalarda intellektual mulk siyosatini rivojlantirish bo'yicha tavsiyalar berib kelinmoqda. Jumladan, blokcheyn texnologiyasi orqali mualliflik huquqlarini ro'yxatga olish va tranzaksiyalarni kuzatish, NFT (no-fungible token) orqali raqamli obyektlarga egalik huquqini tasdiqlash kabi innovatsion yechimlar ilgari surilmoqda. Ushbu vositalar dasturiy mahsulotlarning original ekanligini isbotlash, ularning egasi va litsenziyalangan foydalanuvchilarini aniqlashda foydali bo'lib, qaroqchilik va ruxsatsiz foydalanishni cheklashga xizmat qilishi kutilmoqda. Shuni yodda tutish kerakki, texnologiya rivojlanishi bilan birga intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tizimi ham doimiy ravishda yangilanib borishi zarur. Kompyuter dasturlari – zamonaviy raqamli iqtisodiyotning asosini tashkil etuvchi mahsulot – himoyasiz qolsa, innovatsiyalar sekinlashadi. Chunki dasturchilar va IT

kompaniyalari faqat o'z mehnatlari natijasi himoyalanganiga ishonch hosil qilsagina yangi platformalar va mahsulotlarga sarmoya kiritadilar. Shu sababdan, O'zbekiston hamda global hamjamiyat yangi texnologiyalar sharoitida mualliflik huquqlarini ta'minlashning ilg'or usullarini joriy etishga harakat qilmoqda.

Yuqorida tahlil qilinganidek, axborot texnologiyalari sohasida intellektual mulk huquqlarini himoya qilish ko'p qirrali va murakkab jarayon hisoblanadi. O'zbekiston va xalqaro tajriba shuni ko'rsatadiki, huquqiy tartibga solishdagi mavjud cheklovlarni bartaraf etish uchun qonunchilikni zamonaviy talablarga mos ravishda yangilab borish, ijro mexanizmlarini mustahkamlash va xalqaro hamkorlikni rivojlantirish zarur. Onlayn qaroqchilik dunyo bo'ylab mualliflik huquqiga tahdid solayotgan bo'lsa-da, unga qarshi qat'iy choralar – saytlarga cheklov qo'yish, noqonuniy kontentni yo'q qilish va javobgarlikni muqarrar qilish – orqali ijodkorlarning manfaatlarini himoya qilish mumkinligi isbotlanmoqda. Bulut texnologiyalari huquqni qo'llash amaliyotiga yangi savollar keltirib chiqarmoqda, ammo bu sohada ham muayyan tamoyillar shakllanmoqda: huquq egalari ro'ziligisiz intellektual mulkni bulutga joylashtirish yoki undan foydalanish mumkin emasligi, yurisdiksiyalararo hamkorlik va shartnomaviy huquq vositalarining muhimligi e'tirof etilmoqda. Kompyuter dasturlarini yangi texnologiyalarga moslashtirish jarayonida ularga bo'lgan huquqlarni himoya qilish masalasi dolzarbligicha qolmoqda – bu muammo nazariy jihatdan mualliflik huquqi me'yorlarida (hosila asarlar huquqi, adaptatsiya huquqi va boshqalar) yechim topgan bo'lsa-da, amaliy jihatdan har bir alohida holatda tegishli huquqiy choralar qo'llashni talab qiladi.

Kompyuter dasturlari o'zining mohiyatiga ko'ra murakkab obyekt hisoblanadi. Ular bir vaqtning o'zida ham mualliflik huquqi (kod shakli), ham sanoat mulki (algoritmik yechimlar), ham tijorat siri (ishlash logikasi) obyektlari sifatida qaraladi. Bu holat huquqiy tartibga solishda turli yondashuvlarni talab qiladi. Bugungi kunda O'zbekistonda kompyuter dasturlari asosan 2006 yil 20 iyuldagi "Mualliflik huquqi va turdosh huquqlar to'g'risida"gi Qonun asosida muhofaza qilinadi. Ushbu qonun dasturlarni "adabiy asar" sifatida ko'radi, biroq bu yondashuv zamonaviy texnologik voqeliklarga to'liq mos kelmaydi. Chunki dasturlar texnik-ijodiy mahsulot bo'lib, ularning yaratilishi ko'p hollarda bir necha muallif yoki yuridik shaxs ishtirokida amalga oshiriladi. Kompyuter dasturlarini himoya qilish tizimidagi asosiy muammolardan biri – huquqiy asoslarning tor doiradagi ko'lamda qo'llanilishi, ya'ni amaldagi qonunchilik ularni faqat mualliflik huquqi doirasida baholaydi va bu holat texnik innovatsiyalarni patentlash imkoniyatlarini cheklaydi. Shuningdek, kontrakt huquqi va litsenziyalash tartibining yetarli darajada aniq belgilanmaganligi dasturlar huquqining tijorat aylanishiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Raqamli bozorning o'sib borayotgan sharoitida litsenziya shartnomalarining huquqiy maqomi, ulardagi cheklovlar va majburiyatlarning sud-huquq amaliyotida turlicha talqin qilinishi himoyaning zaifligiga olib keladi. Bundan tashqari, huquqiy himoya vositalarining raqamli muhitga mos emasligi muhim muammolardan biri sanaladi. Ko'p holatlarda sudlar yoki huquqni muhofaza qiluvchi organlar dastur egasining huquqini buzganlikni aniqlashda texnik ekspertizaga muhtoj bo'ladi. Ammo amaldagi qonunchilik texnik ekspertizaning huquqiy maqomi, uni kim o'tkazishi va natijalarning ishonchliligini kafolatlash mexanizmini belgilamaydi [1].

Rivojlangan davlatlarda, xususan AQSh, Yevropa Ittifoqi mamlakatlari, Yaponiya va Janubiy Koreyada kompyuter dasturlarining huquqiy himoyasi ko'p darajali va kompleks yondashuv asosida amalga oshiriladi. Masalan, AQShda kompyuter dasturlari Copyright Act (Title 17) asosida mualliflik huquqi obyektlari sifatida himoya qilinadi, biroq maxsus holatlarda (masalan, dastur orqali muayyan texnik natijaga erishilsa), patent huquqlari bilan ham qo'shimcha himoya ta'minlanadi. Shuningdek, Digital Millennium Copyright Act (DMCA) raqamli huquqbuzarliklar uchun aniq choralarni belgilaydi. Yevropa Ittifoqida esa 2009/24/EC-sonli Direktiva orqali dasturlarni himoya qilishning maxsus yondashuvi ishlab chiqilgan bo'lib, u dasturiy mahsulotlarning funksional tarkibi va interfeys elementlarini muhofazaga oladi. Bundan tashqari, Yevropada mualliflik huquqlari buzilgan taqdirda tezkor javob tizimi – notice-and-take-down mexanizmi mavjud [2].

Yuqoridagi muammolar va xorijiy tajribalar asosida O'zbekistonda quyidagi yo'nalishlarda huquqiy himoyani takomillashtirish zarur: avvalo, "Mualliflik huquqi to'g'risida"gi Qonunga kompyuter dasturlarining huquqiy maqomini aniq belgilovchi alohida bob kiritilishi lozim. Unda dastur egasining huquqlari va ular ustidan nazorat mexanizmlari, litsenziyalash turlari va huquqiy oqibatlari (eksklyuziv va noeksklyuziv) [3], dastur yaratuvchining nomuvofiq harakatlar ustidan da'vo qilish huquqlari ko'zda tutilishi kerak. Shu bilan birga, garchi mualliflik huquqlari ro'yxatga olishga bog'liq bo'lmasa-da, sud-amaliyotda ularni isbotlash uchun mustahkam huquqiy dalil sifatida ixtiyoriy ro'yxatdan o'tkazish tizimini yaratish dolzarbdir. Bunday tizim AQShda mavjud bo'lib, u ko'plab da'volarda muhim rol o'ynaydi [4].

Kompyuter dasturlariga oid huquqiy nizolarni hal etishda texnik ekspertlar ishtirokini majburiy qilish, IT huquqi sohasida ixtisoslashgan sudlar yoki kamida maxsus hay'atlar tashkil qilish zarur. Shuningdek, raqamli guvohliklar, log-fayllar, shifrlangan litsenziya ma'lumotlari va boshqa raqamli dalillarning huquqiy maqomini qonunchilikda mustahkamlash lozim. Bugungi global axborot muhitida dasturiy mahsulotlar tezda noqonuniy tarqalmoqda. Shu bois, maxsus avtomatik monitoring tizimlarini (masalan, hash-code bo'yicha aniqlash) ishlab chiqish va Intellektual mulk agentligiga ularni yuritish vakolatini berish taklif etiladi.

Yuqorida keltirilgan takomillashtirish choralari orqali dasturchilar va IT kompaniyalarining huquqiy ishonchi oshadi, investitsiyalar va intellektual mulk aylanmasi rag'batlantiriladi, sud amaliyotida yagona yondashuvga erishiladi, xalqaro standartlarga mos huquqiy himoya tizimi shakllanadi hamda raqamli iqtisodiyot rivojiga huquqiy zamin yaratiladi. Kompyuter dasturlarini huquqiy himoya qilish zamonaviy intellektual mulk tizimining eng murakkab, lekin dolzarb yo'nalishlaridan biridir. O'zbekistonning raqamli transformatsiya jarayonida ushbu yo'nalishda qonunchilikni kompleks tarzda takomillashtirish, ilmiy asoslangan yondashuvlarni ishlab chiqish va sud amaliyotini moslashtirish strategik ahamiyatga ega. Faqat shu yo'l bilan dasturchilar, texnologik kompaniyalar va jamiyatning boshqa ishtirokchilari o'z intellektual huquqlarini samarali va real himoya qila oladilar.

FOYDALANILGAN MANBALAR

1. Bern konvensiyasi (Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works), 1886-yil, oxirgi o'zgartirish 1971-yil (Parij).
2. C. Geiger. "Software as a Copyright Work," IIC -International Review of Intellectual Property and Competition Law, Vol. 45, 2014.
3. TRIPS Agreement –Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, 1994-yil, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization.
4. WIPO. Standing Committee on Copyright and Related Rights –Reports and Materials, 2022.5.V. Ginsburg. "Fair Use for Free, or Permitted-but-Paid?" Berkeley Technology Law Journal, 2006.

**1991–2022 YILLARDA SHAHRISABZDA MAHALLA
DARAJASIDA KICHIK BIZNES VA TADBIRKORLIKNI QO‘LLAB-
QUVVATLASH CHORALARI**

Komilov Sobit Soyibovich

Shahrisabz davlat pedagogika instituti

Tarix kafedrası o‘qituvchisi

Annotatsiya: Mazkur maqolada 1991–2022 yillar davomida Shahrisabz shahrida mahalla darajasida kichik biznes va tadbirkorlikni qo‘llab-quvvatlash bo‘yicha amalga oshirilgan chora-tadbirlar tahlil qilinadi. Unda mustaqillikdan keyingi ijtimoiy-iqtisodiy o‘zgarishlar, mahallaning iqtisodiy faollik markaziga aylanish jarayoni va davlat siyosatining mahalla va tadbirkorlik integratsiyasiga doir yondashuvlari ilmiy jihatdan o‘rganilgan.

Kalit so‘zlar: Shahrisabz, mahalla, kichik biznes, tadbirkorlik, qo‘llab-quvvatlash, iqtisodiy islohot.

KIRISH

O‘zbekiston Respublikasi mustaqillikka erishgach, davlat boshqaruvi tizimi va ijtimoiy-iqtisodiy islohotlar jarayonida mahalla institutining roli tubdan qayta ko‘rib chiqildi. Mahalla qadimdan o‘z-o‘zini boshqaruvchi ijtimoiy birlik sifatida faoliyat yuritgan bo‘lsa-da, mustaqillikdan keyin u jamiyatning ijtimoiy-iqtisodiy rivojida muhim vosita sifatida e’tirof etila boshladi. Ayniqsa, kichik biznes va tadbirkorlikni rivojlantirishda mahalla mexanizmlaridan foydalanish amaliyoti ijobiy samara bermoqda.

O‘zbekiston Respublikasi birinchi prezidenti Islom Karimov o‘zining asarlarida shunday ta’kidlaydi: “Mahallaning kuch-qudrati va imkoniyatlaridan to‘liq foydalanmasdan turib, iqtisodiy taraqqiyotga erishib bo‘lmaydi” [3.17]. Bu fikr keyinchalik davlat siyosatining asosiy tamoyillaridan biriga aylandi.

Shahrisabz shahri – tarixiy merosi, qadimiy hunarmandchiligi va mehnatkash aholisi bilan mashhur bo‘lib, mustaqillikdan keyingi davrda mahallalarning iqtisodiy faol subyekt sifatidagi nufuzi ortdi. Xususan, kichik biznesning mahalla miqyosida qo‘llab-quvvatlanishi orqali mahalliy aholi bandligini ta‘minlash, aholining daromad manbaini kengaytirish, xotin-qizlar va yoshlar tadbirkorligini rag‘batlantirish bo‘yicha sezilarli siljishlarga erishildi.

Shuningdek, “Mahalla” xayriya jamoat fondi, fuqarolarning o‘zini o‘zi boshqarish organlari faoliyatining kuchaytirilishi hamda “mahallabay” ishlash tamoyilining joriy etilishi Shahrisabzdagi mahalla infratuzilmasining zamonaviy talablar asosida shakllanishiga sabab bo‘ldi. Mahalla va kichik biznes o‘rtasidagi o‘zaro hamkorlik modeli ijtimoiy barqarorlikning negizi, iqtisodiy erkinlik va fuqarolik jamiyatining rivojlanish poydevori sifatida shakllandi.

METODOLOGIYA

Ushbu tadqiqotda ko‘p qirrali metodologik yondashuv qo‘llanildi. Eng avvalo, tarixiy-tahliliy usul asosida 1991–2022 yillar davomida qabul qilingan hukumat qarorlari, Prezident farmonlari, davlat dasturlari va ularning mahalla miqyosida amalga oshirilishiga oid hujjatlar o‘rganildi.

Statistik tahlil usuli yordamida Shahrisabz shahrining mahallalarida kichik biznes subyektlarining soni, bandlik darajasi, aholining daromadlari va tadbirkorlik faoliyati bo‘yicha ma‘lumotlar tahlil qilindi. Bu ma‘lumotlar O‘zbekiston Respublikasi Davlat statistika qo‘mitasi hamda Qashqadaryo viloyati statistika boshqarmasi axborotlariga asoslanadi.

Komparativ yondashuv orqali Shahrisabz shahridagi tadbirkorlikni rivojlantirish choralari boshqa hududlar bilan solishtirildi. Bu usul Shahrisabz tajribasining o'ziga xos jihatlarini aniqlashga imkon berdi.

Shuningdek, so'rovnoma va intervyu metodlari orqali Shahrisabzdagi 12 ta mahallada faoliyat yuritayotgan 40 nafardan ortiq mahalliy tadbirkorlar, fuqarolar yig'ini raislari, bank xodimlari va mutasaddi tashkilot vakillari bilan suhbatlar o'tkazildi. Bu ma'lumotlar tadqiqotga amaliy asoslar berdi hamda real vaziyatni chuqur tahlil qilish imkonini yaratdi.

NATIJALAR

1991–2022 yillar davomida Shahrisabz shahrining mahallalari kichik biznesni qo'llab-quvvatlash borasida quyidagi yutuqlarga erishdi:

1. Kichik ishlab chiqarish sexlari sonining ortishi:

2000-yilda 43 ta sex faoliyat yuritgan bo'lsa, 2022-yilga kelib bu ko'rsatkich 118 taga yetdi. Bu holat mahallalarda ishchi kuchiga bo'lgan talabning oshganini hamda ishlab chiqarishga yo'naltirilgan tadbirkorlikning kuchayganini ko'rsatadi [5].

2. “Har bir mahalla — bir tadbirkor” dasturi doirasidagi natijalar:

2017–2021 yillar oralig'ida 500 dan ortiq yangi ish o'rinlari yaratilgan bo'lib, ulardan 60 foizi ayollar va yoshlarga tegishlidir. Shahrisabzdagi “Qo'shhovuz” va “Ipakchi” mahallalarida ko'plab kasanachilik, tikuvchilik va hunarmandchilik markazlari tashkil etildi [4].

3. “Mahallabay” tamoyili asosida mikrobiznes markazlari tashkil etilishi:

2020–2022 yillarda 38 ta mahallada mikrobiznes markazlari faoliyat boshladi. Bu markazlar orqali aholi bank xizmatlari, soliq konsultatsiyasi, marketing yordami va IT bo'yicha maslahatlar olmoqda.

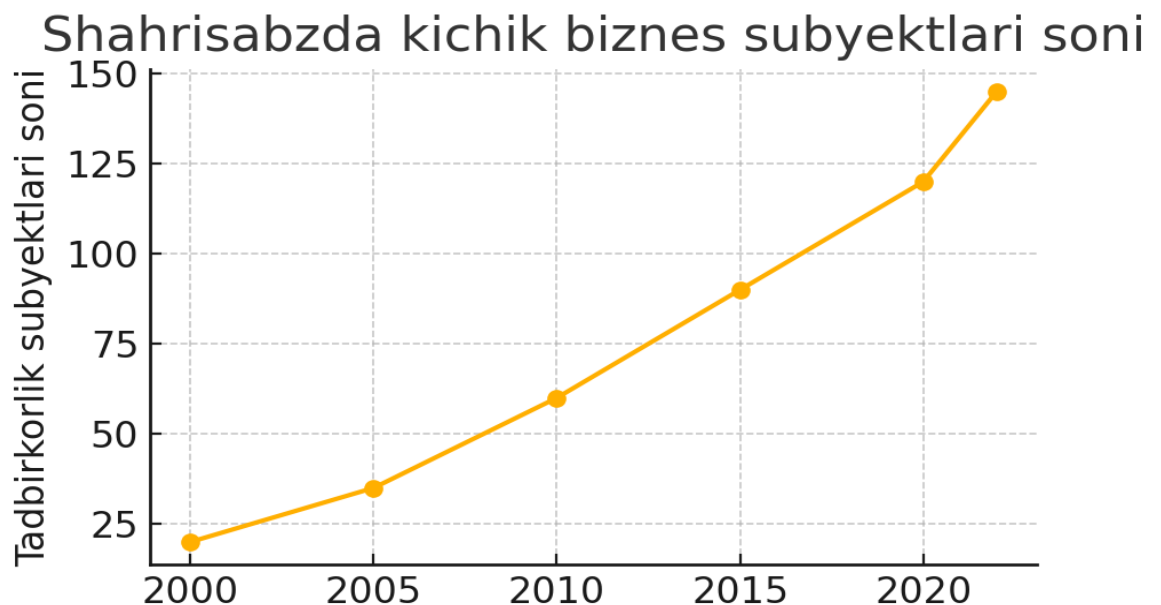
4. Ayollar tadbirkorligini rag'batlantirish:

“Ayollar daftari” tizimi orqali 2021–2022 yillarda 230 nafar xotin-qiz 3 milliard so‘mdan ortiq imtiyozli kreditlar asosida kichik biznesga jalb qilindi [4].

5. Kooperatsiya va mahalla ichki ko‘rinishdagi hamkorlik:

Bir necha mahallalarda tadbirkorlar uyushmasi tashkil etilib, kooperatsiya asosida mahsulot tayyorlash va realizatsiya qilish bo'yicha yagona markazlar barpo etildi. Bu nafaqat iqtisodiy, balki ijtimoiy birlashuvni kuchaytirdi.

Umuman olganda, Shahrisabzda kichik biznes va tadbirkorlikni mahalla darajasida qo'llab-quvvatlash bo'yicha shakllangan mexanizmlar iqtisodiy barqarorlik, oilaviy farovonlik va hududiy taraqqiyotga xizmat qilmoqda. Ushbu tajriba boshqa viloyatlar uchun ham namunaviy model bo'lib xizmat qilishi mumkin.

TAHLIL

Shahrisabz shahrida kichik biznes va tadbirkorlikni rivojlantirish bo'yicha amalga oshirilgan chora-tadbirlarni chuqur tahlil qilish, bu jarayonning muvaffaqiyat omillarini ochib berishga xizmat qiladi. Quyida eng muhim jihatlar ajratib ko'rsatiladi:

Huquqiy muhitning takomillashuvi – Mustaqillikdan so'ng kichik biznes va xususiy tadbirkorlik faoliyatini huquqiy jihatdan tartibga solishga qaratilgan keng qamrovli islohotlar amalga oshirildi. Xususan, 1992-yildan boshlab "Tadbirkorlik faoliyati erkinligi" prinsipini belgilovchi qonunlar, Prezident farmonlari, hukumat qarorlari qabul qilindi. 1991–2022 yillar oralig'ida ushbu sohaga oid 40 dan ortiq normativ-huquqiy hujjat amaliyotga joriy etilgan [1]. Bu esa tadbirkorlar uchun barqaror va ishonchli muhit yaratdi.

Mahalla infratuzilmasining modernizatsiyasi – Shahrisabzdagi ko‘plab mahallalarda (masalan, “Ipakchi”) zamonaviy savdo rastalari, servis xizmatlari uchun mo‘ljallangan binolar, ko‘p funktsiyali biznes markazlar tashkil etildi. Ular aholining iqtisodiy faolligini oshirishda muhim o‘rin tutmoqda. “Obod mahalla” va “Obod qishloq” dasturlari doirasida 2018–2022 yillarda jami 19 ta mahallada inshoot va yo‘l infratuzilmasi yangilandi. Bu yondashuv ijtimoiy infratuzilma bilan iqtisodiy faoliyat o‘rtasidagi uyg‘unlikni kuchaytirdi.

Ayollar va yoshlar tadbirkorligini qo‘llab-quvvatlash – 2020–2022 yillarda amalga oshirilgan “Yoshlar – kelajagimiz” hamda “Ayollar daftari” dasturlari Shahrisabzda xotin-qizlar va yoshlar bandligini oshirishga xizmat qildi. Xususan, 2021-yilda 230 nafar ayolga 3 milliard so‘mlik imtiyozli kreditlar ajratilib, ular tikuvchilik, kosmetologiya, pazandachilik va xizmat ko‘rsatish sohalarida o‘z faoliyatini yo‘lga qo‘ydi [2].

Moliyaviy xizmatlar va kreditlash tizimining liberallashuvi – Mikromoliya institutlari, tijorat banklari hamda “Ipak yo‘li”, “Agrobank” kabi yirik moliya tashkilotlari tomonidan mahalla darajasidagi loyihalarga imtiyozli kreditlar ajratilishi kichik biznes subyektlari sonining ko‘payishiga turtki berdi. 2017–2022 yillarda Shahrisabzda ajratilgan kreditlarning 40 foizi mahallalardagi tadbirkorlik subyektlariga to‘g‘ri kelgan [5].

Korporativ hamkorlik va kooperatsiyalarning shakllanishi – Ba’zi mahallalarda hunarmandchilik, oziq-ovqat ishlab chiqarish va servis xizmatlari sohasida ishlovchi kichik tadbirkorlar o‘zaro kooperatsiya asosida yagona ishlab chiqarish-zanjirini tashkil etgan. Bu ham xarajatlarning kamayishiga, ham

mahsulot tannarxining pasayishiga olib keldi. Kooperatsiya modeli ayniqsa “Qo‘shhovuz” mahallalarida muvaffaqiyatli sinovdan o‘tdi.

Yuqoridagi omillar Shahrizabzda kichik biznes va tadbirkorlikni rivojlantirishda mahalla tizimining samarali integratsiyalashganini, iqtisodiy va ijtimoiy funksiyalarni birlashtira olganini ko‘rsatadi. Bu holat mahallani ijtimoiy-iqtisodiy boshqaruvning eng quyi, ammo eng muhim bo‘g‘ini sifatida mustahkamladi.

XULOSA

Shahrizabz shahrida 1991–2022 yillar davomida mahalla darajasida kichik biznes va tadbirkorlikni qo‘llab-quvvatlash yo‘nalishida amalga oshirilgan ishlar mamlakat miqyosida ijtimoiy-iqtisodiy islohotlarning muvaffaqiyatli namunasi sifatida e‘tirof etilishi mumkin. Bu jarayonning asosiy xususiyatlari quyidagilardan iborat:

Mahalla institutining faqat ijtimoiy sohadagi emas, balki iqtisodiy faoliyatni boshqarishdagi ham salohiyatini ochib berdi;

Mahallalardagi tadbirkorlik faoliyati orqali joylardagi bandlik, daromad manbalari va ijtimoiy faollik sezilarli darajada oshdi;

Davlatning normativ-huquqiy yondashuvi, moliyaviy ko‘magi va infratuzilma modernizatsiyasi natijasida kichik biznes subyektlari soni va sifati ortdi;

Ayollar va yoshlar orasida iqtisodiy faollikning kuchayishi ijtimoiy tenglik tamoyillarini mustahkamladi.

Shahrizabz tajribasi ko‘rsatadiki, mahalla – bu nafaqat fuqarolik jamiyatining qadimiy shakli, balki zamonaviy iqtisodiy rivojlanishning lokal

dvigateli bo'lishi mumkin. Shu sababli, ushbu tajribani boshqa hududlarga tatbiq etish, uning asosida "mahallabay tadbirkorlikni rivojlantirish" modeli bo'yicha metodik qo'llanmalar ishlab chiqish dolzarb masalalardan biridir.

Shuningdek, mahalla-tadbirkorlik integratsiyasining uzoq muddatli barqarorligini ta'minlash uchun quyidagi tavsiyalar ilgari suriladi:

Mahalla yetakchilari va tadbirkorlar uchun doimiy trening va malaka oshirish kurslarini yo'lga qo'yish;

Tadbirkorlik faoliyatini boshlash istagida bo'lgan aholi uchun yengillashtirilgan tartibdagi litsenziyalash tizimini kengaytirish;

Innovation startaplar va raqamli platformalar orqali mahalla tadbirkorligini qo'llab-quvvatlashga yo'naltirilgan grantlar ajratish.

Ushbu tavsiyalarni amalga oshirish orqali Shahrizabz tajribasi nafaqat mintaqaviy, balki milliy darajadagi iqtisodiy modelga aylanishi mumkin.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR

1. Mirziyoyev Sh.M. Biz yangi O'zbekistonni mard va olijanob xalqimiz bilan birga barpo etamiz. – Toshkent: Uzbekistan, 2021. – 416 b.
2. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2020-yil 4-iyundagi 347-son qarori "Yoshlar tadbirkorligini qo'llab-quvvatlash choralari to'g'risida". – Toshkent, 2020.
3. Karimov I.A. O'zbekiston XXI asr bo'sag'asida: xavfsizlik tahdidlari, taraqqiyot shartlari va kafolatlari. – Toshkent: O'zbekiston, 2000. – 251 b.

4. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining 2017-yil 10-maydagi 275-son qarori “Kichik biznes subyektlarini qo‘llab-quvvatlash bo‘yicha qo‘shimcha chora-tadbirlar to‘g‘risida”. – Toshkent, 2017.

5. O‘zbekiston Respublikasi Davlat statistika qo‘mitasi. O‘zbekistonda kichik biznes. – Toshkent, 2010. – 108 b.

OMMAVIY AXBOROT VOSITALARINING JAVOBGARLIK MASALALARI

Komilov Asadbek Maxsudbek o'g'li
Toshkent davlat yuridik universiteti magistranti

E-mail: sozananews@gmail.com

Annotatsiya: mazkur tezisdagi ommaviy axborot vositalarining (OAV) jamiyatdagi o'rni, ularning axborot tarqatishdagi roli va bu jarayonda yuzaga keladigan huquqiy va axloqiy javobgarlik masalalari yoritilgan. OAVning asosiy vazifasi – axborotni haqqoniy, xolis va tezkor yetkazish bo'lsa-da, bu jarayonda jurnalistik axloqiy me'yorlarga rioya qilmaslik yoki qonunchilikni buzish holatlari turli salbiy oqibatlariga olib kelishi mumkin. Tezisdagi aynan shu muammolarning tahlili, O'zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchiligidagi OAV faoliyatiga doir normalar, shuningdek, internet platformalaridagi javobgarlik masalalari ham ko'rib chiqilgan.

Kalit so'zlar: ommaviy axborot vositalari, javobgarlik, sud, jurnalistik etika, axborot erkinligi, huquqiy me'yorlar, tuhmat, shaxsiy hayot, internet OAV, axborot xavfsizligi, media, haqorat qilish, mualliflik huquqi.

RESPONSIBILITY ISSUES OF MASS MEDIA

Komilov Asadbek Maxsudbek o'g'li

Tashkent State University of Law
Master's Student

Abstract: This thesis explores the role of mass media in society, their function in disseminating information, and the legal and ethical responsibilities that arise in this process. While the primary duty of the media is to deliver

accurate, objective, and prompt information, failure to adhere to journalistic ethical standards or violations of the law can lead to serious consequences. The thesis analyzes these issues in detail, including the relevant legal norms governing media activity in the Republic of Uzbekistan, as well as responsibility issues related to online platforms.

Keywords: *mass media, responsibility, court, journalistic ethics, freedom of information, legal norms, defamation, privacy, online media, information security, media, insult, copyright.*

Konstitutsiyamizning 81-moddasiga asosan, ommaviy axborot vositalari bergan axborotlari to'g'riligi uchun belgilangan tartibda javobgardir yoki O'zbekiston Respublikasining "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi qonunida bu qoida kengaytirilib, "O'zbekiston Respublikasida ommaviy axborot vositalari erkin bo'lib, ular O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasiga, ushbu qonunga va boshqa qonun hujjatlariga muvofiq faoliyat ko'rsatadi.

Ommaviy axborot vositalari axborotni izlash, olish va tarqatish huquqidan foydalanadi hamda o'zlari e'lon qilayotgan axborotning to'g'riligi va haqqoniyligi uchun qonun hujjatlarida belgilangan tartibda javobgar bo'ladilar", deb belgilab qo'yilgan.¹

Ommaviy axborot vositalarida tarqalayotgan ma'lumotlarning to'g'riligi, haqqoniyligi uchun ommaviy axborot vositalari va shu ma'lumotlarni tayyorlagan jurnalistlar javob beradi. Ommaviy axborot vositalari hech qachon va hech qanday hollarda fuqarolarning konstitutsiyaviy huquqlari, sha'ni, qadr-qimmatiga

¹ O'zbekiston Respublikasining "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.

dog‘ tushiruvchi, tuhmat ko‘rinishidagi, shaxsiy hayotga aralashuv ruhidagi ma‘lumotlarni bermasligi kerak, agar shunday hol ro‘y bersa, buning uchun ham ommaviy axborot vositalari, ma‘lumotni tayyorlagan jurnalistlar javobgar bo‘ladi. O‘zbekiston Respublikasining konstitutsiyaviy tuzumi (konstitutsiyaviy tartib) turli qonuniy vositalar bilan himoya qilinadi va konstitutsiyaviy tuzum asoslariga zarar yetkazadigan ma‘lumotlarni ommaviy axborot vositalari orqali bermaslik choralari ko‘riladi. Mabodo shunday hol yuz bersa, ya‘ni ommaviy axborot vositalarida:

- konstitutsiyaviy tuzumning asoslariga qarshi;
- davlat suverenitetiga tahdid qiluvchi;
- yaxlitlikni zo‘rlik bilan o‘zgartirishga da‘vat qiluvchi;
- qonuniy hokimiyatni to‘ntarishga chaqiruvchi, zo‘rlik yo‘li bilan o‘zgarishga da‘vat qiluvchi;
- urush va zo‘rlikni, shafqatsizlikni keltirib chiqaruvchi, ularga da‘vat qiluvchi;
- milliy, diniy, irqiy adovatlariga da‘vat qiluvchi;
- davlat sirini yoki qonun bilan qo‘riqlanadigan boshqa sirlarni oshkor qiluvchi ma‘lumotlar berilsa, ommaviy axborot vositalari, jurnalistlar javobgarlikka tortiladi.²

O‘zbekiston Respublikasining Ma‘muriy javobgarlik to‘g‘risidagi kodeksida “Tuhmat”, “Haqorat”, “Fuqarolarga ma‘naviy yoki moddiy zarar yetkazuvchi

² Ommaviy axborot vositalari faoliyatining konstitutsiyaviy asoslari [Matn]: o‘quv qo‘llanma / J.Qudratillayev, J.Ilxombekov. T.: TDYU nashriyoti, 2023.

ma'lumot tarqatish"ni nazarda tutuvchi ma'lumotlar uchun ma'muriy javobgarlik belgilangan.³

O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksida "Tuhmat", "Haqorat qilish", "Urushni targ'ib qilish", "Milliy, irqiy, etnik yoki diniy adovatni qo'zg'atish", "Konstitutsiyaviy tuzumga xavf soluvchi ma'lumotlar tarqatish", "Davlat sirlarini oshkor qilish"ni ko'zlovchi ma'lumotlar uchun jinoiy javobgarlik belgilangan.⁴ Ommaviy axborot vositalari xodimlarining majburiyatlari aniq belgilab qo'yilgan bo'lib, javobgarlik masalalariga ham oydinlik kiritib o'tilgan.

Konstitutsiya va qonun ustuvorligi hamda qonuniylik tamoyillarining so'zsiz ta'minlanishi inson huquq va erkinliklarini himoya qilishning muhim kafolatidir⁵.

O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 15-moddasiga ko'ra, O'zbekiston Respublikasida Konstitutsiya va qonunlarning ustunligi so'zsiz tan olinadi. Bosh qomusimizning 16-moddasiga ko'ra, birorta ham qonun yoki boshqa normativ-huquqiy hujjat Konstitutsiya normalari va qoidalariga zid kelishi mumkin emas. Konstitutsiyaning ustunligi bu qonun va qonunosti hujjatlarining Konstitutsiyadan ustun bo'la olmasligi. Ya'ni birorta qonun yoki ularning normalari Konstitutsiyaga zid bo'lmasligi tushuniladi. Qabul qilinadigan har bir hujjat Konstitutsiyani va uning normalarini o'zgartirishni emas, ularga amal qilishini ta'minlashi zarur. Bu konstitutsiyaviy qoida sifatida belgilab qo'yilgan bo'lib, Konstitutsiyada mavjud barcha normalarga taalluqli, shuningdek, konstitutsiya, qonun va qonunosti hujjatlarining o'zaro nisbatida o'z aksini topadi.

³ O'zbekiston Respublikasi Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeks // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.

⁴ O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.

⁵ Ш. Мирзиёев. Халқимизнинг розилиги бизнинг фаолиятимизга берилган энг олий баҳодир. Т.: Ўзбекистон, 2018, 2-том, 39-бет.

Demak, Konstitutsiyaning ustunligi deganda, Konstitutsiyaning norma va qoidalari boshqa har qanday qonun va qonunosti hujjatlaridan yuqori turishi tushuniladi. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 81-moddasiga ko'ra, ommaviy axborot vositalari erkindir va qonunga muvofiq ishlaydi⁶. Ular axborotning to'g'riligi uchun belgilangan tartibda javobgardirlar. Ommaviy axborot vositalari bilan bog'liq ijtimoiy munosabatlar O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 81-moddasiga ko'ra, Konstitutsiyaning 15-16-moddasidagi konstitutsiyaviy qoidalar asosida tartibga solinishi kerak. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 81-moddasida, "ommaviy axborot vositalari axborotning to'g'riligi uchun belgilangan tartibda javobgardirlar", deb belgilab qo'yilgan.

O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi 15-16-moddalarida Konstitutsiyaning ustunligi konstitutsiyaviy qoida sifatida o'rnatilgan. Demak, ommaviy axborot vositalarining o'zi tarqatgan axborotning to'g'riligi uchun belgilangan tartibda javobgarligi muqarrar. Alohida holatlar Bosh qomusimizda belgilab o'tilmagan yoki qonun va qonunosti hujjatlariga havola qilinmagan. Biroq, "Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi qonunda Konstitutsiyaning 15-16-moddalaridagi konstitutsiyaning ustunligi prinsipi buzilayotganini ko'rishimiz mumkin.

"Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi qonunning 15-moddasida jurnalistning javobgarligi masalasi aks etgan bo'lib⁷, jumladan, qonunning ikkinchi qismida qaysi holatlarda jurnalist javobgar bo'lmasligi sanab

⁶ O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.

⁷ O'zbekiston Respublikasining "Jurnalistlik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.

o'tilgan. Jurnalist ommaviy axborot vositalarida haqiqatga mos kelmaydigan materiallarni tarqatganlik uchun quyidagi hollarda javobgar bo'lmaydi:

- agar bu ma'lumotlar rasmiy xabarlardan, normativ-huquqiy hujjatlardan yoki rasmiy statistika hisobotlari ma'lumotlaridan yoxud axborot agentliklari yoki davlat hokimiyati va boshqaruvi organlarining matbuot xizmatlari orqali, shu-ningdek ularning rasmiy veb-saytlaridan olingan bo'lsa;
- agar bu ma'lumotlar oldindan yozib olinmasdan efirga beriladigan mualliflik chiqishlarida mavjud bo'lsa yoki chiqishlarning so'zma-so'z takrorlanishi (stenografiya, audio, videoyozuvi) bo'lsa.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO'YXATI:

1. Ш.Мирзиёев. Халқимизнинг розилиги бизнинг фаолиятимизга берилган энг олий баҳодир. Т.: Ўзбекистон, 2018, 2-том
2. O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi, 30.04.2023 y.
3. Ommaviy axborot vositalari faoliyatining konstitutsiyaviy asoslari [Matn]: o'quv qo'llanma / J.Qudratillayev, J.Ilxombekov. T.: TDYU nashriyoti, 2023.
4. O'zbekiston Respublikasining "Ommaviy axborot vositalari to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 2007.
5. O'zbekiston Respublikasining "Jurnalistik faoliyatini himoya qilish to'g'risida"gi qonuni // Qonun hujjatlari milliy bazasi. 1997.

6. O'zbekiston Respublikasi Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeks // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.

7. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi // Qonun hujjatlari ma'lumotlari milliy bazasi.